

Я

буду

рядом

От автора мирового бестселлера
«ПОЖАЛУЙСТА,
ПОЗАБОТЬСЯ О МАМЕ»
MAN ASIAN
LITERARY PRIZE

Кун-Суук Шин

Кун-Суук Шин

Я буду рядом

«Центрполиграф»

2010

Шин К.

Я буду рядом / К. Шин — «Центрполиграф», 2010

Неожиданный звонок с известием об ухудшении состояния всеми любимого наставника – профессора Юна заставляет Чон Юн вспомнить беспокойные дни студенческой юности в начале 80-х, заново пережить радость дружбы и любви, зарождающейся на фоне гражданских волнений в Сеуле. Дом родителей Миру ненадолго объединяет двух девушек и двух юношей. Одни из них пережили личные драмы, другим они лишь предстоят. Летят годы. Чон Юн ищет утешения в мировой литературе, ее возлюбленный Мен Сё, успешный фотограф, в поисках все новых объятий как символа единения колесит по миру. Все эти годы, вдали друг от друга, они задаются вопросом, на который невозможно найти ответ: отчего их не было рядом в тот момент, когда их друзья – Дэн и Миру – больше всего нуждались в их поддержке? Просто быть рядом, любить и жить дальше – так просто, но непреодолимое чувство вины, подобно центробежной силе, не позволяет им быть вместе

© Шин К., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	26
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кун-Суук Шин

Я буду рядом

Художественное оформление Я. А. Галеевой

I'll Be Right There

Copyright 2010 ©S hinKyung-sook «Я буду рядом»

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Кто плачет в этот час? Не ветер ли ночной
Гранит верховные алмазы надо мной?
Кто плачет так, что я сама вот-вот заплачу?

Поль Валери. Юная Судьба

Пролог «Можно мне приехать?»

Это был его первый звонок за восемь лет.

Я сразу узнала его голос. В тот момент, как он произнес в трубку:

– Алло!

Я тут же спросила:

– Где ты?

Он молчал.

Прошло целых восемь лет. Немаленький срок. Если сосчитать часы этого периода, то цифра окажется весьма внушительной. На протяжении этих восьми лет мы старались не встретиться даже взглядами на совместных вечеринках у давно забытых по разным причинам людей. Только в момент прощания с хозяевами дома мы лишь коротко обменивались рукопожатиями. Вот такие сложились отношения.

Я не помню, где это произошло. В памяти всплывает теплая летняя ночь, мы стоим на нижней ступеньке ужасно крутой лестницы, затерянные в лабиринтах большого города. Должно быть, где-то поблизости был фруктовый ларек, потому что запахи влажного ночного воздуха напоминали мне аромат надкушенной сливы.

Тогда я первая взяла его за руку и тут же отпустила – так я собиралась с ним попрощаться. Я просто не могла заставить себя сказать «до свидания» или «увидимся позже». Ведь мои искренние жаркие слова я прятала, как драгоценные жемчужины, и совершенно не обращала внимания на то, что он может подумать о моем прикосновении. Я знала: стоит мне открыть рот и произнести хотя бы слово, как все далеко запрятанные слова ринутся наружу со стуком падающих на землю предметов с оборвавшейся веревки. Быстро этот стук невозможно прекратить. Так и я не смогу проконтролировать выстраданный поток слов. Меня бросала в дрожь сама мысль о моменте, если все вдруг выплеснется наружу, поэтому умело изображала полное спокойствие. Я была не в состоянии забыть те дни, когда мы постепенно узнавали друг друга и многому учились друг у друга. Нельзя было предать память о тех счастливых днях.

Время никогда и ни для кого не бывает справедливым и легким. Хоть сейчас, хоть восемь лет назад.

В мгновения моего спокойного вопроса «Где ты?» я вдруг поняла: больше не прячу те слова, которые тогда, восемь лет назад, не могла сказать ему, больше не притворяюсь, что у меня все чудесно, лишь бы скрыть бурное волнение. Как бы со стороны я услышала свою невозмутимую интонацию. Куда они исчезли, все эти слова, когда-то заставлявшие меня часами бесцельно бродить по незнакомым дорогам и сходить с ума от тоски и сомнений? Как пропали эти невыносимо горькие чувства? Куда ушла невозможная боль, которая подобно острому копыю охотника пронзала мое сердце? Неужели она оставила в покое мою душу и дала мне возможность сейчас так безупречно держаться? Неужели это жизнь? Разве безжалостная быстротечность времени одинаково печальна и благословенна? В те далекие времена меня захватил бурный водоворот чувств, я барахталась и не могла всплыть на поверхность. А кто-то давно уже забытый поделился со мной многовековой мудростью: «Пройдет и это». И тот, кто страдает, и тот, чья жизнь – полная чаша, должны знать эту мудрость. Одному она дает силы и терпение, а другому дает шанс вступить на путь смирения.

В телефонном пространстве повисла тяжелая тишина. Я слишком поздно поняла, что нарушила привычный порядок вещей. Я никак не поприветствовала его, и это выглядело очень странно. Я вовсе не хотела выдавить из себя что-то вроде «Сколько лет прошло!» или «Как дела?». Полагаю, именно мой вопрос через восемь лет без приветствия его сильно обескура-

жил. Конечно, вы можете спросить человека, где он находится, если часто звоните ему, нередко видите. Но с момента нашей последней встречи прошло восемь лет, и вот теперь он был на одном конце телефонной линии, а я на другом. Время может подталкивать нас вперед, но если бы в юности я знала, что тот день никогда больше не повторится, все могло бы сложиться иначе. Просто один человек никуда бы не уехал, а другой все еще был бы жив. Если бы я только понимала: в тот момент, когда вам кажется, что все кончено, в жизни начинается новая пора.

Я посмотрела в окно.

Тишина растягивалась, обволакивала нас, а за окном разливался утренний зимний рассвет. Вчерашний прогноз погоды предупреждал о сегодняшнем снегопаде, но, похоже, пока предсказания синоптиков не подтвердились. Небо медленно окрашивал неяркий свет восходящего солнца. В такое время вы дважды подумаете, прежде чем позвонить малознакомому человеку, да и очень близкому тоже. Звонки в такое время бывают или срочными, или несут плохие новости.

– Профессор Юн в больнице.

– ?!

– Я подумал, что следует сообщить тебе.

Обеими руками я вцепилась в телефонную трубку. Потеряв дар речи, заморгала и отвернулась от окна. «Я подумал, тебе следует знать об этом». Эти слова кружились у меня в голове, как снежинки в воздухе. Я сосредоточилась на звуках его голоса и изо всех сил зажмурила глаза, чтобы не покатались слезы. Но, к моему удивлению, снежинки слов продолжали свое кружение.

– Похоже, он уже три месяца находится в больнице.

– Вот как!

– Скорее всего, ему недолго осталось.

Три месяца в больнице? Глубокий вздох сорвался с моих губ. Обида на профессора Юна поднялась во мне, заслоняя все вокруг, и тут же схлынула. Прошло уже три года с тех пор, как я в последний раз видела его. Профессор Юн настоял, чтобы остаться в полном одиночестве, когда начала прогрессировать его болезнь. Так же сделала в свое время и моя мать. Тогда профессор не хотел никаких посещений, сейчас он один лежал в комнате, в которую можно было проникнуть только через бесчисленные закрытые двери. Он оставался стойким и верным своему одиночеству перед лицом смерти.

Три года назад ранним зимним утром я отправилась навестить профессора Юна, но вернулась обратно, так и не встретившись с ним. Больше я никогда не пыталась увидеть его. В то зимнее утро, первое утро нового года, мне хотелось поздравить профессора с праздником. И хотя я знала, что он не мог долго сидеть на одном месте из-за проблем с дыханием, но все-таки надеялась увидеть его. Я вышла из дома затемно, с неба падали огромные хлопья снега. Я тогда довольно плохо водила машину и потому беспокоилась, что с машиной может произойти какая-нибудь неприятность. Снегопад усиливался, сильно дул северный ветер. Машина временами буксовала на заснеженной дороге и в конце концов угодила в сугроб за горой, недалеко от дома профессора Юна. Я не могла одна вытащить машину, потому оставила ее на дороге и двинулась вперед сквозь снежный буран. Мои щеки пылали от холода, на брюках из снега образовались сосульки. Я обернулась и увидела, что снеговая пелена полностью укутала гору. Любой новый порыв ветра вздымал тучи снега, затем они оседали на горных склонах. С каждой минутой становилось все труднее различать предметы. Снег валил все сильнее, а дом профессора Юна был довольно далеко. Я заставляла себя идти дальше, но постепенно страх охватывал меня все сильнее. От хруста обломившейся под тяжестью снега ветки или треска падающей сосны все у меня внутри сжималось от ужаса. И когда огромное сухое дерево, не в силах более выдерживать снежную ношу, с глухим шумом рухнуло на землю, я в панике бросилась обратно к машине.

Я так и не смогла приблизиться к его дому! Да и вернуться к себе мне оказалось очень сложно, ведь моя машина намертво застряла в снегу. Больше никогда я не решалась повторить попытку добраться до дома профессора Юна. Стоило мне подумать о нем, и мысль, что я никогда не сумею добраться до его дома, сковывала мой разум. Нечто подобное происходило не только со мной. Один мой приятель признался: однажды, соскучившись, он решил отправиться к профессору Юну посреди ночи. Но едва в отдалении показался дом профессора, как его охватила странная робость. Он не смог подъехать ближе, только поднялся на горный склон и, взглянув на освещенный дом, отправился обратно. Покинув эту деревню, он обнаружил, что его губы были искусаны в кровь. Почему же мы не смогли просто так войти в дом к профессору Юну, как в старые добрые времена?

С телефоном в руке я встала из-за стола, подошла к окну и приоткрыла жалюзи. За окном медленно кружились белые хлопья снега.

Меня не удивила сообщенная новость. Я с волнением ждала, что однажды мне придется это услышать. Просто я не предполагала узнать это именно сегодня. Вначале редкие снежные хлопья показались мне случайно залетевшими гостями, но теперь их стало больше, они образовали густую пелену. Хвоя гималайского кедра во дворе дома напротив всегда оставалась ярко-зеленой, даже зимой, сейчас же медленно покрывалась снежной сединой. Вокруг не было ни души. Только местный автобус, на котором я за четыре года жизни здесь ни разу не ездила, осторожно скользил по заснеженным боковым улицам.

Я вечно путаю недавние события, буквально вчерашние, с теми, что случились лет десять назад. Например, могу долго стоять перед открытым холодильником, искупавшись в его холодном воздухе, и напряженно вспоминать, что же я хотела оттуда достать, но, так ничего и не вспомнив, тихо закрыть дверцу. Воспоминания же о том, как я впервые познакомилась с профессором Юном, невероятно свежи в моей памяти.

Мне тогда было двадцать лет. В то время, глядя на название одной книги, я могла воссоздать в памяти двадцать других книг, о которых напоминало это заглавие. Однажды мы ждали начала занятий в залитой ярким мартовским солнцем аудитории, моя голова лежала на парте. Открылась дверь – вошел профессор Юн. Когда он проходил мимо меня, то мой взгляд упал на его ноги. Туфли на них были настолько большими, что при ходьбе ступни выскальзывали наружу. Казалось, это вовсе и не его туфли. Сгорая от любопытства, что же за человек носит такие огромные туфли, я вскинула голову и тут же ощутила стыд. Неужели бывают на свете столь худые люди? Скорее всего, ни одни туфли в мире не пришлись бы ему впору. Я смотрела на него, и в голове промелькнула мысль о мумии.

Я поспешно перевела взгляд с его тощей фигуры на лицо. Глаза пронизательно блестели за стеклами очков. Он подошел к окну и выглянул. Громкие крики студентов на демонстрации мешали ему начать лекцию. Холодный мартовский ветер загнал в аудиторию клубы слезоточивого газа. Тут кто-то в аудитории попытался плотно закрыть одно окно. Профессор Юн долго стоял у другого окна, наблюдая за демонстрацией. Он молчал, и вскоре мы все, один за другим, присоединились к нему. Группу студентов преследовала разъяренная полиция. Белые облачка поднимались над их головами в холодном мартовском воздухе. В тот день профессор Юн задал один вопрос: «В чем смысл искусства в нашу эпоху?» Я не знала, предназначался ли этот вопрос нам или же самому себе, но увидела, как его умное лицо исказила боль. В тот самый момент я впервые по-настоящему обратила внимание на его глаза, и острая, неведомая мне раньше боль пронзила мое сердце. Но откуда я тогда могла знать, что подобные дни неумолимо надвигаются на нас? Или о том, что странная, пронзительная боль, которую я впервые ощутила в тот день, останется со мной на многие годы? И хотя воспоминания о проведенных вместе с ним днях потеряли остроту, меня время от времени преследует воспоминание о глазах профессора Юна. Если перед моим мысленным взором всплывает его взгляд, я снова ощу-

щаю укол острой боли. Эта боль сотнями мелких частиц пронзает мое сердце насквозь, а затем выплескивается наружу, и я снова и снова задаю себе один и тот же вопрос:

– Что ты делаешь?

Когда мне было двадцать, стоило этой мысли мелькнуть в моей голове, я уходила из кампуса и часами бродила по городу. Казалось, мои глаза щипали жгучие пары слезоточивого газа, рассеянные в воздухе. Неужели ничего не изменилось за столько лет? Ведь даже сейчас, когда я вспоминаю его взгляд, то немедленно выхожу из дома, иду, не выбирая дороги, и брожу по городу до изнеможения. Ни я, ни общество не изменились в лучшую сторону, а стали лишь еще более несовершенными. Когда мост над рекой, соединявший два конца города, вместе с автобусом, в котором девочки ехали в школу, рухнул вниз; когда я увидела, как ранним утром самолет врезался в высокое здание на Уолл-стрит; когда в первый день нового года я, не веря своим глазам, почти десять часов смотрела по телевизору на объятые пламенем ворота Суннемун, я задавала себе один и тот же вопрос: «Что ты делаешь?» И мне пришлось выскочить из дома посреди ночи с ключами от машины и ездить кругами вокруг того места, где некогда возвышались ворота Суннемун. Наконец я почувствовала – готова вернуться домой. В такие моменты я чувствую: привычный мир разваливается на части. И я отправляюсь бродить по городу. В пору тоски и одиночества в моей голове вспыхивает одна привычная мысль: «Если бы только он был здесь!»

Кто из нас решил уйти первым?

В какой-то момент я смирилась с мыслью, что мне придется жить без него. Я переживала и ужасно боялась, но, похоже, тогда для меня настало время принять это решение и идти дальше по жизни одной. Но даже после такого решения мысли о нем упорно не отпускали мою память. Как и воспоминание о проведенной вместе ночи в какой-то приморской деревушке.

Неужели мы могли вот так гулять всю ночь напролет? Под проливным дождем? Мы сели на паром в Инчхон и отправились на дальний остров, но теперь я не смогу вспомнить названия той деревушки. Поначалу мы вовсе не собирались туда ехать. Просто я села в метро на станции «Сеульский вокзал» на первую линию. То, что это была первая линия, в общем-то, не имело особого значения. Точно помню, проходила через станцию «Бучхон». Мне кажется, дело было в июле, хотя все могло происходить и в июне, и даже в августе. На нем была белая рубашка с коротким рукавом, а значит, все события случились в один из летних месяцев. В вагон набилось столько народу, что было трудно дышать. Я тогда ужасно устала, и потому мне совершенно не хотелось ни о чем разговаривать. Когда поезд останавливался на очередной станции, в вагон втискивались люди, наполняя тесное пространство запахом пота. Глядя, как он покачивается в такт движению поезда, нахмутив брови, я предложила ему уехать куда-нибудь далеко-далеко. А возможно, это предложил он. Мы вышли из метро в Инчхон, а затем сели на автобус до Международного морского вокзала. Нам было все равно, куда поплывет паром, лишь бы подальше от города. И паром перевозил нас через море. Когда мы стояли бок о бок на борту и вдыхали соленый морской бриз, моя усталость вдруг оставила меня. Мы просто смотрели на море. Впервые в жизни я так далеко отплывала от берега. Он же вырос в небольшом приморском городке и потому не мог в полной мере понять моих чувств. Попасть на остров оказалось не так-то просто. Когда через два часа пути по морю паром наконец подошел к острову, начался прилив, мешавший добраться до берега. Кто-то из жителей пригнал к парому небольшую моторную лодку, чтобы пассажиры смогли безопасно доплыть до берега. Из лодки я наблюдала за деревенскими детьми, ловившими рыбу руками прямо в воде. Я забеспокоилась, ведь их в любой момент может смыть приливная волна, но один человек в лодке сказал, что дети просто стоят на скрытой под водой дамбе. И еще добавил: это можно увидеть позже, когда сойдет прилив. Моторная лодка доставила нас на другую затопленную водой дамбу. Я приподняла подол юбки, а он закатал брюки, и мы осторожно дошли до берега.

В тот день мы постарались осмотреть на острове как можно больше. Должно быть, тогда выдался очень дождливый сезон. Большинство людей расположились на пляже, и лишь немногие купались в море. И чем дальше мы отходили от причала, тем меньше людей встречали на своем пути. В воздухе пахло солью, а деревья, немного в стороне от пляжа, гнул сильный ветер. Мы стояли на пляже, обняв друг друга за плечи, а темно-красное солнце медленно погружалось в море. Через мгновение закат завершился – багровый солнечный шар растворился в океане. И мы вдруг почему-то помрачнели. Во время путешествия он все время пытался поговорить со мной, но теперь вдруг умолк. И я тоже молчала. И так мы молча шли по берегу, пока не набрали на мертвую чайку, выброшенную приливной волной.

– Птица! – пробормотала я, заметив ее на мокром песке.

Он принялся копать ямку, чтобы похоронить ее.

– Зачем ты это делаешь? Волна уже скоро смоеет ее в море.

– Все равно.

Когда я вспоминаю эти слова, на моем лице появляется улыбка. Всегда он прочно ассоциируется у меня именно с этими словами. В любой ситуации он непременно восклицал: «Все равно, так будет лучше!» Он достал из сумки блокнот, вырвал листок, написал на нем: «Возродись вновь, милая птичка!» Затем обернул листком палку и воткнул ее в песок рядом с могилкой чайки. Я не могу вспомнить, ужинали ли мы вообще в тот вечер, и не помню, была ли голодна. Мы брели вперед, увязая в песке, пока остров не погрузился во тьму, а мы словно искали, где же заканчивается море. Тогда, возможно впервые в жизни, я увидела, как море становится чернильно-черным из-за подступающей ночной темноты. Черная вода заползала на песок, подбиралась к нашим ногам, а затем снова отступала.

– Чон... Юн! – Он вдруг громко произнес мое имя. Каждый раз, когда он произносил мое полное имя, это означало, что он думает о чем-то действительно очень важном.

– Что?

– Давай навсегда запомним этот день.

Так в чем дело? Навсегда запомним? Я разочарованно пробурчала себе под нос:

– Если не хочешь о чем-то забыть, нужно какое-нибудь напоминание.

В этот момент в темноте раздался шелест, и он вытащил из своей сумки довольно толстую тетрадь и сунул мне в руку.

– Я назвал это «Моя коричневая книга». Здесь я записывал разные мысли о происходящих в жизни событиях. Я хочу подарить ее тебе.

Он схватил меня за запястье и привлек к себе, повинувшись импульсу, я позволила ему обнять меня. Он прижал мою руку к своему паху и сказал:

– И это ты тоже можешь взять себе.

Его голос прозвучал так серьезно, что я не выдержала и расхохоталась. Одной рукой сжимая его тетрадь, а другой его пах, я вдруг ощутила странную глубокую печаль и прошептала ему на ухо:

– А может быть, у нас что-то больше этого? – Хотя я знала, что дальше этого пляжа мы никогда не сможем зайти.

Кто может предсказать наше несуществующее будущее?

Будущее обрушивается на нас и сметает все на своем пути. Единственное, что мы можем, – сохранить воспоминания и двигаться вперед, в новую эпоху. Память хранит лишь действительно для нас ценное. Образы в памяти смешиваются с настоящим, и нам вовсе не стоит задумываться – существовало ли на самом деле то, о чем помним мы. Когда кто-то чересчур настойчиво утверждает, что видел какое-то событие собственными глазами, я воспринимаю это как желание верить, что данное утверждение на самом деле единственно верное. При прямом столкновении с подобным несовершенством вы не можете не вздохнуть с облегчением. Тем более если это бесконечно повторяющееся воспоминание о чувстве часто охваты-

вает вас не вовремя и не к месту. Я пытаюсь понять, почему нам так трудно было каждое утро открывать глаза навстречу новому дню, почему мы всегда боялись начала новых отношений и почему все-таки сумели пробиться через препятствия стены, чтобы найти друг друга?

Когда мне было двадцать, я каждое утро смотрела на университетские ворота и решала про себя, войти ли мне в них. Затем разворачивалась и спускалась с холма, на который только что поднялась. Даже теперь я не могу точно сказать, что же со мной было не так.

Тогда я жила в квартире кузины, недавно вышедшей замуж. За три месяца до двадцатилетия я вдруг принялась заслонять окно своей маленькой комнаты черным строительным картоном. Этот единственный кусок картона погружал комнату в ночную темноту даже днем. В темноте я включала свет и день и ночь напролет читала. Но это не означало, что со мной что-то не так. Если же мне не приходилось заниматься чем-то обязательным, то я просто не делала ничего. Я прочитала шесть томов по литературе, каждый том насчитывал более двадцати коротких рассказов, напечатанных иероглифами размером с кунжутное зернышко.

Однажды я выглянула в окно и увидела – на дворе снова март. Теперь я вспоминаю об этом, и мне кажется: с тех пор прошла целая жизнь. Только представьте: в счастливом доме двух новобрачных была комната, где день и ночь царила непроглядная черная мгла. Я вышла из этой комнаты, чтобы участвовать в праздничной церемонии поступления в университет. Впервые в жизни я оказалась совершенно свободной в этом огромном городе. А теперь профессор Юн в больнице, его оторванная от привычной реальности жизнь не имеет ко мне никакого отношения, а на другом конце телефонного провода молчит человек, которого я больше никогда не увижу. Но если когда-то давно я не познакомилась бы с ними, как бы я смогла полно и ярко прожить те дни?

Я смотрела на кружащиеся в воздухе густые снежные хлопья и пыталась собраться с мыслями. Я напомнила себе, что он позвонил спустя восемь лет лишь для того, чтобы сообщить, что профессор Юн при смерти.

– Продолжай убеждать себя... – пробормотала я себе под нос, такой намек самой себе. – Первое, что необходимо сделать, – это отправиться в больницу.

Понимает он это или нет, но все населяющие планету люди словно соприкасаются друг с другом, когда их пути пересекаются. Забытые, казалось, события всплывают урывками откуда-то из глубин памяти, подобно тому, как вы выдергиваете зеленый картофельный куст после дождя и из земли появляются клубни. Воспоминания обезоружили меня. Даже если бы я не стала вспоминать больше о нем, даже если бы мы никогда больше не увиделись, мысль «Мы хоть ненадолго, но все-таки пересеклись в этой жизни» принесла с собой печаль.

Я сжимала трубку, не в силах вымолвить ни слова после его известия о профессоре Юне. Он первый прервал затянувшееся молчание и вдруг спросил:

– Можно мне приехать?

– Сейчас?

Я считала, что между нами все давно кончено, но его вопрос прозвучал так естественно: «Можно мне приехать?» Сколько времени прошло с тех пор, как я в последний раз слышала эти слова? Когда мы еще были вместе, он постоянно спрашивал меня по телефону: «Можно мне приехать?» В то время он звонил мне из телефона-автомата, чтобы сказать, что он уже едет. Дождливые, ветреные, облачные и ясные дни слились воедино в его словах. Тогда мы оба с нетерпением ждали наших встреч, в любое время дня и ночи. Для него никогда не существовало поздно или рано, чтобы прийти ко мне, даже если час был более ранний, чем сейчас. Для меня тоже не было неудобного времени для встречи с ним. В то время мы всегда говорили друг другу: «Да, ты можешь прийти, когда пожелаешь». Каждый человек проживает жизнь по-своему, и дается эта жизнь всего лишь раз. Любой человек по-своему старается преуспеть в этой жизни, любит, страдает, теряет любимых, и так – до самого конца. И ни для кого нет

исключений – ни для меня, ни для мужчины, который позвонил мне сегодня впервые за восемь лет, ни для профессора Юна, который в этот момент лежит в больнице. Один-единственный шанс. Это все, что у нас есть. Если бы было возможно изменить события нашей юности, то я не стояла бы здесь с телефонной трубкой в руке и не слушала бы его голос впервые за восемь лет.

Я немного помедлила и ответила:

– Нет... мне хорошо одной.

Он тяжело вздохнул и повесил трубку.

«Мне хорошо одной» – вот те слова, которые я так поспешно произнесла, в конце концов оставили меня в одиночестве. Я сама произнесла, но эти слова прозвучали неожиданно даже для меня. Мне следовало сказать ему, что мы встретимся в больнице, но вместо этого я заявила, что мне хорошо одной. Это было чересчур резко. Когда-то, много лет назад, он сказал мне те же слова. К тому времени мы уже преодолели черту, до нее каждый знал, где в данный момент находится другой и что делает. Я спросила о его планах относительно одного приближающегося дела, хотя сейчас уже не помню, какое это было дело, а он огрызнулся в ответ, что ему хорошо одному. Похоже, осознаем мы это или нет, но память таит острый кинжал у себя на груди. Я не размышляла тогда над этим его заявлением, да и прошло достаточно времени, чтобы забыть, но в одно мгновение мое подсознание возродило те слова и заставило меня воспользоваться ими. Я не из тех людей, кто вот так запросто может оттолкнуть от себя другого человека. Но если кто-то близкий говорит, что ему хорошо без меня, то я больше никогда не стану навязывать ему свое общество. Все это время его слова блуждали в моей душе, терзая ее, словно задания неразгаданного ребуса, но в одно мгновение собрались и нашли выход в моем ответе.

Я вернулась к письменному столу и, плюхнувшись на стул, просидела так все утро. Волны старых воспоминаний окатили меня и постепенно схлынули, уступив место мыслям о ветре.

Кажется, это было в августе. Или в сентябре? Во дворе у профессора Юна мы собирали в корзину дикие яблоки. Любой порыв ветра вызывал у нас радостный смех. Крохотное деревце едва доставало до верхнего края стены, но буквально сгибалось под тяжестью плодов. Профессор Юн наблюдал из окна гостиной, как мы нагибали ветви и срывали яблоки. Я уже не помню, почему мои приятели по университету собрались вместе и принялись собирать дикие яблоки. В тот момент нас наверняка переполняла радость и ощущение огромного счастья. Так весело и задорно звучал тогда наш смех.

– Настанет ли такой день снова?

Печальный ответ одного из тех, кто собирал яблоки, глубоко врезался в наши сердца:

– Никогда.

Радостный смех в саду стих, и теперь мы старались не смотреть в глаза друг другу, только все погрузнели и обернулись к профессору Юну, который все так же из окна наблюдал за нами. Возможно, мы уже тогда предвидели будущее. Собрав дикие яблоки, мы вернулись в гостиную и увидели – профессор Юн заснул с книгой на коленях. Кто-то аккуратно положил книгу на стол. Мне стало интересно, что он читает, и я потянулась за книгой. Это оказался «Мир безмолвия». Книга выглядела старой, страницы пожелтели и загнулись. Вдруг мой взгляд упал на носки, буквально висевшие на слишком худых ступнях профессора Юна.

Хотя я сейчас понимала, что следует поехать в больницу, но все утро не могла заставить себя подняться со стула. Я сидела на одном месте, но мне казалось – тело мое парит в воздухе. Я даже задремала во время этого легкого полета. Только в полдень я наконец пришла в себя и внимательно осмотрела свой стол. Повсюду были разбросаны книги, раскрытая записная книжка лежала перевернутой на распечатанных листах бумаги, которые я редактировала. Два карандаша косо лежали в пенале, приобретенные мною в Музее Пикассо в Готическом квартале Барселоны. Некоторое время я разглядывала голубя с листом в клюве, выгравированного на пенале, а затем принялась наводить порядок на письменном столе. Я закрыла сбор-

ники поэзии и сложила разбросанные повсюду карандаши и ручки в пенал. Я скомкала ненужные бумаги, испещренные исправлениями и подчеркиваниями, и выбросила их в мусорную корзину, убрала пресс-папье с раскрытых толстых книг и возвратила книги на полки. Часто, наводя порядок на столе, я задумывалась о смерти. Однажды после тщательной уборки я уже направилась к двери, как вдруг обернулась и очень испугалась. Быстро пошла назад и снова разбросала на нем вещи. Люди взрослеют, но от этого не начинают больше ценить любовь, лучше понимать смысл жизни или смерти. Это знание не приходит со временем. И по сравнению с годами моей юности я еще больше удалилась от любви к другому человеку. Теперь же, когда я узнаю о чьей-то неожиданной смерти, то каждый раз испытываю шок и невероятную грусть. И все же я предвкушаю – однажды поздним зимним вечером с густым снегопадом, сидя за письменным столом, я тихо опущу голову и навсегда закрою глаза. Я хочу, чтобы таким было мое последнее мгновение на этой земле. Я смахнула все образы смерти, которые ощущаю кончиками пальцев всякий раз в момент окончания уборки на столе. Перед поездкой в больницу я несколько раз тщательно вымыла руки с мылом, умылась, переоделась в чистую одежду и взглянула в зеркало. Собираясь выйти из комнаты, я вдруг машинально остановилась и снова обернулась к столу.

И, словно дождавшись этого, зазвонил телефон.

Глава 1

Прощай!

Когда мне исполнилось двадцать, я вернулась в город и дала себе пять обещаний:

- Снова начать читать.
- Выписывать все незнакомые слова из книг, узнать их значения и составить свой собственный словарь.
- Выучивать наизусть одно стихотворение в неделю.
- Не посещать могилу мамы до наступления Чхусока¹.
- Каждый день не меньше двух часов гулять по городу.

Я не успела окончить первый семестр, как не стало мамы.

Пока ее болезнь не приняла серьезный оборот, раз в неделю, в среду, навещала ее в городской больнице. Затем ее выписали и отправили домой, а мне дали рецепт на лекарства. Я приходила в больничную аптеку, сидела в вестибюле и ждала появления на электронном табло того же номера, что и на бумажке в моей руке. Когда номер с мелодичным звоном выскакивал на экран, я просовывала рецепт в окошко. Спустя недолгое время мне передавали коробку с недельным запасом нескольких лекарств маме. Каждую среду я повторяла свое путешествие в аптеку, покупала лекарства и отправляла их маме по почте. После я звонила ей и сообщала о посылке. Она каждый раз приветствовала меня неизменно бодрым голосом: «Дочь моя!», «Отлично, дочь моя!», или «Спасибо, дочь моя!».

За четыре дня до ее смерти я получила посылку с ее любимым кольцом, а также небольшим количеством кимчи² из листьев периллы.

– Ты ведь любишь кимчи из листьев периллы. – Ее голос на другом конце провода звучал бодро и жизнерадостно. – И мне всегда хотелось, чтобы ты носила это кольцо, моя девочка!

Я и не представляла, что ее не станет так быстро.

Думая о ее кончине вскоре после того, как она положила в посылку кимчи из листьев периллы, сняла кольцо и аккуратно завернула его в бумагу, я принималась бессознательно тереть глаза, словно пыталась вытолкнуть их. После мне не надо было покупать по средам лекарства для мамы, но все равно каждую среду рано утром я снова и снова отправлялась в больницу. Это вошло у меня в привычку. Теперь я уже не ждала появления на табло определенного номера, но каждый раз раздавался мелодичный звон, и я смотрела на меняющиеся цифры. Через некоторое время я вставала и говорила себе: «Пора идти на занятия», но вместо этого отправлялась на станцию и садилась в поезд. Иногда я добиралась по крутой дороге до самых ворот университета, но затем разворачивалась и снова отправлялась на станцию. И там покупала билет на первый же рейс.

В середине дня в поезде было полно свободных мест. Я могла без проблем устроиться где угодно, независимо от стоимости билета. А порой вообще оказывалась единственным пассажиром в вагоне. Пустые сиденья напоминали толстые книги, ни одна из страниц которых не была прочитана. Я смотрела в окно или играла пальцами, пока кондуктор не объявлял о прибытии поезда в маленький городок, где я родилась. Увидев реку, я поворачивала голову и пристально вглядывалась в речную даль, пока вода не исчезала из вида. Когда же впереди вне-

¹ Чхусок – корейский праздник урожая.

² Кимчи – традиционная корейская закуска.

запно выростали далекие горы, от неожиданности я могла отпрянуть и откинуться на спинку сиденья.

Иногда я разглядывала птиц, неожиданно появившихся ниоткуда, а поезд въезжал в туннель, тогда судорожно закрывала глаза, хотя не могла увидеть в темноте ничего ужасного. Наконец поезд останавливался на какой-нибудь станции, я нестерпимо хотела есть, поэтому немедленно отправлялась в закусочную напротив станции, жадно съедала целую миску лапши и лишь тогда вдруг понимала, что нахожусь в родном городе. И я тихо бормотала про себя: «Мама, я вернулась».

В какой-то момент я решила взять академический отпуск, не только из-за смерти мамы. В университете царила божественная атмосфера, присущая художественным учебным заведениям. Некоторые студенты тут же легко вписывались в эту среду, другие же оставались на отшибе. Я принадлежала к последним. Сомневаюсь, что кто-нибудь здесь знал, как звучит мой голос. Студенты мужского пола больше интересовались демонстрациями или выпивкой, чем занятиями, а девушки или носились со своей внешностью, или умирали от депрессии. Здесь посреди обычного разговора вы могли разразиться монологом Гамлета или Офелии, и никто не придал бы этому огромного значения. Здесь считалось признаком таланта и яркой индивидуальности беспрестанное пение или долгое сидение на одном месте и созерцание чего-либо. Эти люди привлекали мое внимание, куда бы я ни отправилась. С моей простой внешностью я все время чувствовала себя изгоем. Мне казалось, что они говорят на иностранном языке какой-то далекой заморской страны. Но все же я взяла академический отпуск не из-за того, что чувствовала себя одинокой. В то время я была чужой везде, где бы ни находилась.

Я тогда училась в средней школе. Узнав свой диагноз, мама сразу же отправила меня в город к моей старшей двоюродной сестре, тем самым мама проявила ко мне заботу и любовь. Она говорила, что я еще слишком юна для постоянного ухода за больной матерью, у меня должна быть полноценная жизнь девушки. Она сказала, чтобы я не обременяла себя заботами о больной, а шла в мир, навстречу жизни. «Нам всем когда-нибудь придется расставаться, – говорила она, – просто у тебя это произойдет немного раньше». Сейчас я не могу сказать, что согласна с ней. Полагаю, если нам всем рано или поздно приходится расставаться, то лучшее, что мы можем сделать – как можно дольше пробыть вместе. Но здесь дело не в том, кто прав, а кто не прав. Это просто разные взгляды на жизнь.

Однажды довольно общительный студент, которого прозвали Велик, потому что во время ходьбы он блестяще изображал, будто крутит педали велосипеда, перестал приходить на занятия. Я сидела на скамейке у нашего здания, а он вдруг подбежал ко мне и сказал, что его младший брат приехал в город и он должен послать с ним домой немного денег. И я отдала ему все свои деньги. А позже выяснилось: он одолжил деньги, а также авторучки, книги и тетради еще у десяти других девочек и бесследно исчез. Чуть позже выяснилось – он даже не был настоящим студентом. И вот в то время, как мои однокурсники бушевали от ярости, возмущались тем, что он сумел несколько месяцев всех обманывать, требовали обязательно что-то предпринять, я вдруг почувствовала: хочу уйти в академический отпуск. Велик забрал даже книгу стихов Эмили Дикинсон³, которую подарил Дэн при моем отъезде в город. В тот вечер Дэн подошел к нашим воротам и позвал меня. Мы тайком бродили по темным переулкам, где со времен нашего детства отпечатались тысячи наших следов, и незаметно добрались до большого поля на окраине городка. Там мы уселись рядышком перед железнодорожными путями. Мимо нас с грохотом и лязгом проносились ночные поезда. Окна вагонов ярко светились в темноте. Если бы не громкий стук колес, казалось бы, что просто сияющие окна летят, пронзая ночной мрак.

³ Эмили Дикинсон – американская поэтесса.

– Мы должны ехать учиться. – Голос Дэна звучал торжественно, словно он давал обещание.

– Да.

– Я стану художником.

Мне почудилось, что я вот-вот взорвусь. Ночной ветерок с поля, казалось, уносил с собой наши надежды, и они постепенно исчезали где-то очень далеко. В тот вечер перед расставанием Дэн подарил мне сборник стихов в мягкой обложке и сказал:

– Недавно очень внимательно прочел все стихи.

В темноте я не смогла прочесть названия сборника.

– Я узнал, что после смерти она оставила 1700 стихотворений в шкафу. Первые стихи были опубликованы только через четыре года после ее смерти.

– Чьи стихи?

– Эмили Дикинсон.

– Э-ми-ли Ди-кин-сон. – Даже произнеся это имя по слогам, я не смогла вспомнить ни одного ее стихотворения.

Дэн с детства знал, чем хочет заниматься, потому подолгу размышлял о самых разных вещах и вел себя иначе, чем остальные наши ровесники: читал разные книги, собирал необычные предметы и говорил о непонятных вещах.

– Похоже, она видела то, что лежит за гранью привычного мира.

– За гранью привычного мира?

– Нечто невидимое. Смерть или... кое-что необъяснимое.

Тогда я впервые услышала, как мой ровесник говорит о смерти и о том, что находится за гранью привычного мира. Возможно, именно поэтому мне всегда казалось: Дэн гораздо старше своих лет. Уже дома я открыла книгу, и первое, что бросилось мне в глаза, – запись Дэна.

Я начала ступать осторожно... Нельзя тревожить несчастных людей, погруженных в глубокие раздумья.

Райнер Мария Рильке⁴. «Записки Мальте Лауридса Бригге».

Мне понравилось это примечание Дэна. Оно было написано небрежно, но от него веяло такой силой и энергией, как звонкое цоканье копыт мчащейся галопом лошади. Я смотрела на цитату Рильке, написанную рукой Дэна в книге стихов Эмили Дикинсон, и вдруг поняла – это прощание. И я запихнула подаренную книгу глубоко в сумку.

*Потому что я не могу остановиться ради Смерти,
Он услужливо остановился за меня;
Повозка везла, но лишь нас
И Бессмертие.*

Читая стихи Эмили Дикинсон, я вспоминала мамино лицо. Мне хотелось неторопливо наслаждаться стихами сборника, и я не спешила: перечитывала каждое стихотворение по несколько раз. Вот когда впервые оказалась в городе, то отправилась на метро в крупный книжный магазин на улице Чонно. Всю дорогу я держалась за поручни, чтобы не упасть. Первой книгой, на которую я потратила деньги, был роман «Записки Мальте Лауридса Бригге». Не

⁴ Райнер Мария Рильке – один из самых влиятельных поэтов-модернистов начала XX века.

имея понятия, о чем эта книга, я купила, потому что это название было написано Дэном на первой странице его подарка. На обратном пути в метро я раскрыла свою новую книгу.

Так вот куда люди приходят жить.

Безучастно глядя на это первое предложение, я вдруг почувствовала, как одинокая слеза поползла по щеке. А ведь ни слезинки я не проронила, даже покидая родной дом. Неужели я тоже из тех, кто пришел сюда жить? Эта фраза вызвала множество вопросов.

Город не был ко мне добр. В нем было так много высотных зданий и больших домов, его наводняли толпы людей, но никто ни разу не поприветствовал меня и не взял за руку. Я часто сбивалась с пути, плутала в переплетении многочисленных и широких, и узких улиц. И я тоже не хотела ближе знакомиться с людьми этого города. Так я жила, привыкала к людям, не приветствующим друг друга, и становилась молодой женщиной, абсолютно чуждой этому миру. Двоюродная сестра, у которой я жила, являлась моим официальным опекуном до моего окончания средней школы. Незадолго до моего приезда в город она вышла замуж. В этой ситуации для меня было бы вполне естественно покинуть ее дом, но мне некуда было пойти. Кроме того, хоть мама и отослала меня из родного дома учиться в город, она все же не хотела, чтобы я жила одна. Пока мама была жива, я оставалась в доме двоюродной сестры, чтобы подбодрить маму в ее нелегкой борьбе с болезнью. А когда она умерла, я уже не могла жить в доме сестры. Муж сестры служил пилотом в одной авиакомпании. Хотя он летал в длительные рейсы в такие большие города, как Париж и Лондон, но всегда, вполне естественно, возвращался и подолгу находился дома. И даже когда я всерьез собралась приступить к занятиям, мне очень хотелось остаться рядом с мамой, но она этого не хотела. К тому времени ее состояние ухудшилось, у нее уже выпали все волосы.

Дальше в «Записках Мальте Лауридса Бригге» говорилось: «Мне казалось, что это больше похоже на место, куда приходят умирать». Вот я начала посещать лекции, но не успела закончить первый семестр – взяла академический отпуск, а эта вторая строчка из книги Рильке неотступно преследовала меня. В этом городе не было ни одного человека, кого я считала бы своим другом, мне не с кем было прощаться перед отъездом домой. Когда я уходила из квартиры сестры, она печально спросила, действительно ли я должна уезжать.

– Прости. – Это был странный ответ на ее вопрос.

– Прости? За что ты просишь прощения?

– За все.

И я на самом деле так думала. Я чувствовала себя виноватой перед двоюродной сестрой. Виноватой за то, что почти не улыбалась; за то, что закрыла одно окно в доме новобрачных черным картоном; за то, что не старалась быть более доброжелательной; за то, что вынудила ее заботиться обо мне, потому что я потеряла мать. Каждый раз, когда она смотрела на меня, я видела в ее глазах вспыхивающий огонек искреннего сострадания. Ведь мы прожили вместе более четырех лет. Она уговаривала меня остаться, убеждала еще раз все как следует обдумать. Я ответила, что уже приняла решение.

– Возможно, еще не поздно передумать, – снова сказала она.

Я покачала головой. И тогда, погрузившись, она крепко обняла меня:

– Возвращайся сюда, если тебе придется нелегко.

От моей двоюродной сестры исходил запах молодой женщины, недавно вышедшей замуж. Это был смешанный запах земляники, листьев, персика. Ощувив этот аромат, я окончательно поняла: мое решение правильное. И хоть я занимала в доме всего одну небольшую комнату, это все-таки был дом новобрачных. Только подумать, ведь я закрыла окно комнаты черным картоном и вынудила новобрачных смущаться своего радостного смеха и улыбок в

моем присутствии. А моя сестра никогда даже хмуро не взглянула на меня. Однажды ее муж-пилот спросил:

– А не слишком ли темно в этой комнате?

Я ответила:

– Мне так нравится.

Он больше не спрашивал ничего подобного.

Тот год жизни в маленьком городке своего детства был скучным и неинтересным. Дэн тоже учился в колледже и жил теперь в другом городе. Времена года сменяли друг друга: на деревьях набухали почки, мимо проносились тайфуны, наливались соком созревавшие плоды хурмы, шел густой снег. Мой отец вел ту же жизнь, что и раньше, несмотря на мое присутствие. Мама довольно долго была прикована к постели, и отец привык сам о себе заботиться. Жизнь не стала сложнее с ее уходом, но его спина сильно сгорбилась, и он как-то быстро превратился в старика, сделался еще более неразговорчивым. Порой мне казалось – его тяготит мое присутствие. Даже в те дни, когда я поздно ложилась спать и не могла проснуться рано утром, он, встав на заре, первым делом отправлялся к маме. Он обкладывал могилу свежим дерном, даже выкопал во дворе миртовое дерево, которое ей нравилось, и пересадил поближе к ее могиле. Несколько раз я ходила вместе с ним, но все-таки старалась всеми силами этого избегать. Глядя на идущего впереди меня по тропинке отца, я думала о том, что он похож на старый, покосившийся и заброшенный дом. Я старалась приходиться на могилу в середине дня или на закате. Так у меня было меньше шансов столкнуться с ним.

Мама не боялась умереть. Скорее сожалела об этом.

Несколько дней непрерывно лил дождь. И когда он, наконец, прекратился, произошло сразу две вещи.

Отец вернулся из городка, снял рубашку и бросил ее на крыльце. Затем в одной нижней рубашке вышел из ворот с лопатой в руке. Из кармана его брошенной рубашки вывалилась пачка сигарет. Я подобрала сигареты и направилась в заднюю часть дома. Наш сельский дом с двух сторон имел небольшие дворики, можно было пройти через весь дом и выйти на задний двор, где росли тыквы и таро. Я присела на корточки, чиркнула зажигалкой и собралась прикурить сигарету. Я смотрела туда, откуда меня могли увидеть, но вдруг с другой стороны появился отец. У меня не было времени спрятаться. Наши взгляды встретились, когда я собралась прикурить сигарету. Отец поглядел на меня, а затем медленно скрылся за углом дома, не сказав ни слова. Я приготовилась к тому, что позже он станет ругать меня, даже подумала, что, если мы начнем спорить, это поможет избавиться от тягостного молчания и отчуждения. Но к моему удивлению, он ни словом не обмолвился за ужином. Я подумала – наверное, ему было больно увидеть меня курящей, и потому он решил притвориться, будто ничего не видел. Тут меня охватил странный гнев. Я искренне хотела, чтобы он отругал меня, тогда смогла бы спокойно курить и не чувствовать себя виноватой. Я уже убирала со стола, как вдруг он назвал меня по имени и неожиданно спросил, не хотела бы я покрасить ногти.

– Накрасить ногти?

– Не знаю, помнишь ли ты, но как-то раз, когда ты была еще маленькой, я положил тебе на ногти лепестки бальзамина.

Неужели это действительно было? Я опустила глаза и уставилась на свои руки, держащие поднос.

– Утром ты сняла лепестки с ногтей и закричала: «У меня кровь идет из ногтей!», побежала к колодцу и опустила руки в ведро с холодной водой. Ты была еще совсем крошкой...

Когда мама заболела, летними вечерами отец обрывал лепестки бальзамина, размельчал и прикладывал к ее ногтям, оборачивал пакетами и обвязывал нитью. Она так хотела. Отец сказал, что ему казалось, будто из-за лепестков бальзамина наркоз так плохо подействовал

во время маминой операции. После ужина отец принялся измельчать лепестки бальзамина и прикладывать к моим ногтям, а я смотрела и вдруг еле слышно пробормотала:

– Папа, неужели эти лепестки могут повлиять на наркоз?

А он удрученно ответил:

– Не знаю.

И я мысленно произнесла, обращаясь не к нему: «Прости, мама. Я больше не стану курить».

В тот вечер я обмотала ногти с лепестками бальзамина полосками ткани и вместе с Дэном отправилась на окраину города. Он приехал погостить домой из южного города, где учился. Дэн сделался неразговорчивым, как мой отец, постоянно хмурился, был небрит и, скорее всего, решил ни с кем не любезничать, поэтому совсем не улыбался. Даже мне. В темноте мы поднялись к железнодорожному полотну.

– Дэн!

Я остановила его и всмотрелась в его силуэт. Темные шпалы простирались вдаль до бесконечности, словно разделяя нас.

– Давай пойдем на могилу моей мамы.

Я и не надеялась, что он так легко согласится. Но Дэн тут же добавил, что сначала надо зайти к нему домой и взять налобный фонарь.

– Налобный фонарь?

– Знаешь, я беру его для ночных прогулок.

– Это такая штука, которой пользуются шахтеры?

– У них настоящие каски с мощным фонарем... мой фонарь гораздо меньше. У меня бессонница, и я пользуюсь им в общежитии, когда делаю эскизы. Мой сосед по комнате не может спать при включенном свете. И еще я ношу фонарь в сумке и достаю его только в темноте на улице.

Неужели он сейчас признался, что посреди ночи в комнате надевает на голову фонарь, чтобы делать эскизы?

Неожиданно Дэн со своими рассказами о том, как делает эскизы при свете налобного фонаря, потому что у него бессонница, показался мне совершенно незнакомым человеком. Мы молча пересекли железнодорожное полотно и направились к его дому. Наши тени перекрещивались на стене. Дэн проскользнул в дом и вернулся с фонарем. Он попытался нацепить его на меня.

– Лучше ты надень его и иди впереди, – предложила я.

Дэн зажег фонарь. Когда яркий свет озарил его лоб, он словно преобразился. Мы прошли через поле и направились к горе, где была похоронена мама.

– А ты хорошо держишься.

– Что?

– Я имею в виду твою маму.

Я вдруг почувствовала острый укол боли в груди и ухватила одним пальцем с лепестками бальзамина палец Дэна.

После смерти мамы я перестала читать.

Двоюродная сестра звонила из города и пыталась уговорить меня пойти в церковь, но я никого не хотела слушать. Целый год я ничем толком не занималась. В те дни, когда беспрестанно лил дождь или когда я чувствовала себя словно выкопанная из земли картофелина, я отправлялась в центр городка, заходила в кинотеатр, где шел двойной сеанс фильмов, и неподвижно сидела в кресле, а затем возвращалась домой. Мамино кольцо с жемчужиной в виде слезы я всегда носила в кармане. Я могла заснуть, но вдруг проснуться, в ужасе торопливо просунуть руку в карман и проверить, на месте ли кольцо. Едва коснувшись жемчужины, я тут же успокаивалась. В момент прикосновения к кольцу я чувствовала тоску по маме. Однажды,

в начале ее болезни, мы о чем-то поспорили, и я повысила голос. Я так сильно разозлилась на нее, что представила, как я умерла, а она не находит себе места от горя. Всякий раз кольцо напоминало мне об этом случае. Я уже ничего не могла исправить, но чувствовала грусть и ненавидела себя за те мысли. У мамы были изящные пальцы, поэтому ее кольцо с жемчужиной пришлось мне впору, но я не могла заставить себя носить его. Это означало бы, что я смирилась с ее смертью, а меня от одной такой мысли бросало в дрожь.

Когда мы добрались до подножия горы, Дэн вдруг резко остановился.

– Что случилось?

– Пауки.

До маминной могилы мы должны были пройти по горной тропе, и на ней большие пауки растягивали свои сети и терпеливо поджидали жертву, ползая по камням.

– Ты боишься пауков?

Свет от фонаря на голове у Дэна метался вверх-вниз.

– Я боюсь их больше, чем спецназа.

Я невольно захихикала – взрослый мужчина боится пауков.

– Не смейся. Ты не принимаешь мои слова всерьез, как бы не пришлось пожалеть об этом.

Неужели ты не слышала о нападении на деревню в Австралии гигантского паука-птицееда?

– Нет.

Я и в самом деле ничего об этом не слышала, но знала – маленькие паучки, став взрослыми, начинают пожирать тело своей матери. Вот поэтому не могу хорошо относиться к паукам. Мне было интересно и удивительно слышать от Дэна многочисленные названия пауков: паук-волк, тарантул, паук-краб, бурый паук-отшельник, сиднейский дымоходный паук.

– Эти дымоходные пауки – самые сильные!

Дэн заговорил о пауках и уже не мог остановиться. Он рассказал, что пауки произошли от трилобитов, которые жили в кембрийский период палеозойской эры. В те времена пауки обитали под землей, но в период между мезозойской и кайнозойской эрой они вышли на поверхность. Тогда количество видов стало увеличиваться в геометрической прогрессии, теперь сложно с точностью определить, сколько этих существ населяет нашу планету. «Интересно, могут ли любовь и страх быть связаны между собой? – думала я. – Ведь он на самом деле ужасно боится этих насекомых». Дэн знал о пауках очень много, как о предмете своей искренней любви.

– Когда ты начал бояться пауков?

– Довольно давно.

– Но почему я ничего об этом не знала?

И хотя мы выросли вместе, я понятия не имела о его страхе перед пауками.

– Ты не могла об этом знать.

– Ха? Это такой большой секрет?

– Ты меня не любишь, поэтому и не знала.

В темноте я вглядывалась в спину Дэна, ведь он торопливо двинулся вперед, несмотря на ужас перед пауками. Слова «ты меня не любишь» падали в мою душу одно за другим, словно капли дождя.

– В твоей жизни произошла какая-то неприятная история, связанная с пауками?

– Я не помню.

– Тогда в чем же дело? Почему пауки, а не что-то другое?

– При чем здесь что-то другое? Неужели это выглядело бы как-то иначе, если бы я боялся сов или белок?

Разговор о пауках, похоже, вывел Дэна из себя. Вероятно, у него на то были причины.

– Тебе просто надо смело посмотреть на паука, не отводя глаз... возможно, тогда что-то изменится.

– Я уже пробовал. Кто-то сказал, что это у меня в голове и мне стоит съездить в музей пауков в Намьянчжу, встретиться лицом к лицу с гигантскими пауками и взглянуть на них сверху вниз. Но от одного взгляда на чучела этих насекомых моя кровь застывала в жилах, казалось, все мое тело раздувалось, как огромный пузырь, я весь начинал чесаться с ног до головы.

– Неужели все так плохо?

– Именно.

Дэн стоял неподвижно, как человек, ждущий вынесения приговора. Я посмотрела ему прямо в глаза, потом раскинула руки и крепко обняла его.

– Не бойся. – Эти слова предназначались и ему, и мне тоже. – С нами все будет хорошо, все будет в порядке.

Свет от фонаря Дэна, распугивающий пауков, осветил мое лицо.

– Можно я тебя поцелую? – Дэн нерешительно коснулся губами моей щеки, затем лба, немного помедлив, прижался к моим губам своими теплыми и нежными губами. – Никогда не думал, что ты станешь первой, кого я поцелую.

От этих слов я тихо засмеялась. Как будто знала, что Дэн станет первым мужчиной, который поцелует меня, и это будет такой нежный и спокойный поцелуй. Горный хребет на фоне ночного неба напоминал свирепого зверя. Черный силуэт горы, походивший на притаившегося огромного зверя, лежащего на животе и широко раскрывшего пасть, становился все более отчетливым. Чем ближе мы подходили к горе в густом ночном мраке, тем сильнее меня начинал охватывать предательский страх. Я предложила Дэну вернуться. Но хотя он дрожал от страха, выискивая пауков в свете своего фонаря, все-таки настоял на продолжении пути. Я упорно требовала возвращения домой, а Дэн шел и шел вперед, несмотря на множество ужасных пауков вокруг. Вероятно, наш спор нарушил привычную обстановку обитателей леса – ночные птицы с громким шуршанием крыльев принялись перелетать с дерева на дерево. На нашем пути Дэн искал пауков, освещая фонарем тропу и ветки деревьев, и рассказывал, как при одном виде паука у него слабеют колени, а даже днем вид паука вызывает у него нервную дрожь. Если он действительно так боялся этих насекомых, то мог просто не смотреть на них, так зачем тогда зажег фонарь и специально высматривал в темноте пауков? А вдруг он действительно заметил бы одного? Но именно так он боролся со своим страхом. И в этом мы с Дэном похожи. Я узнала о нем то, чего не знала раньше. В результате Дэн довел меня до маминой могилы, поборов страх перед ужасными пауками на нашем пути.

– Мы пришли.

Тут Дэн глубоко вздохнул. Это был вздох человека, преодолевшего страх.

– Давай поклонимся.

– Посреди ночи?

– Но разве мы не за этим сюда пришли?

– Нет.

Я возражала, но Дэн все равно поклонился, не снимая с головы фонаря. А затем он осветил миртовое дерево, которое посадил отец, и пробормотал:

– Так вот куда мирт пересадили.

Он направился к дереву, достал сигарету и прикурил. Вдруг нитка, обернутая вокруг моего пальца, развязалась. Раскрошенная масса лепестков бальзамина упала с моего ногтя прямо на могилу. Сигарета во рту Дэна мерцала в темноте. Должно быть, он потирал лицо рукой с зажатой сигаретой, потому что красные угольки разлетались в разные стороны, как светлячки. Я схватила с могилы полную пригоршню земли, крепко сжала в кулаке, как комок риса, и сунула в карман. Эта земля, наверное, упала прямо на мамино жемчужное кольцо. В тот момент меня захлестнуло чувство пустоты, я отчаянно желала ухватиться за что-нибудь и едва не спросила Дэна, курившего под миртовым деревом с фонарем на голове, любит ли он меня.

Если бы я спросила, между нами неизбежно возникла бы стена отчуждения. Я проглотила эти слова, не сводя глаз с маминой могилы, и подумала: настало время возвращаться домой.

– В городе, где я сейчас живу, постоянно происходят студенческие волнения, – сказал Дэн.

Я взяла еще немного земли с могилы и положила в карман.

– Я подрался с одним знакомым парнем.

– Правда?

– С этим парнем я познакомился еще на первом курсе. Он большой любитель поесть, и неважно, что он ел, даже самую простую еду поглощал с таким видом, будто никогда не пробовал ничего вкуснее. В этот момент стоило лишь взглянуть на него, и у вас начинали течь слюнки от голода. Однажды этот парень сообщил, что уходит в армию. Мы устроили прощальную дружескую вечеринку. Он же, оказывается, пошел не в армию, а в полицию, разгоняющую бунтовщиков, и через несколько дней явился к нам разгонять демонстрацию. Вот уж не повезло, правда? Его послали не куда-нибудь, а в родной колледж. Как-то раз он со своими сослуживцами преследовал каких-то студентов и немного отстал. Я сам не могу точно сказать, что на меня нашло. Но когда он остался один, я бросился к нему, и на этот раз жертвой стал он, а я преследователем. До этого дня я несколько раз видел, как он сидел на земле рядом с полицейским автобусом с зарешеченными окнами и поедал с аппетитом какой-то тухлый рис. Всякий раз, когда я смотрел на него, во мне поднималось что-то нехорошее. И вот в тот день мы наконец остались с ним один на один.

– А дальше?

– Когда я ринулся к нему, он обернулся и посмотрел мне в глаза. Мы узнали друг друга, но не улыбнулись. Никто не собирался отступить, мы сцепились и принялись в слепой ярости наносить друг другу удары. Он попытался кинуться к другим полицейским, но я не позволил, продолжая бить его изо всех сил.

– Зачем ты это делал?

– Не знаю. Мне казалось, я схожу с ума, просто не мог больше выносить это.

– Выносить что?

– Себя... нас... ситуацию... нашу ситуацию. Я первый погнался за ним, но это не означало, что я чувствовал себя сильнее. Мне тоже здорово от него досталось. Он бил меня по голове, в глаза, куда придется. И все же он первый попытался убежать от меня... Я его не отпускал. Сначала я преследовал его, затем он преследовал меня и так далее. Все было как в тумане. А потом у меня осталось лишь непреодолимое желание уничтожить. Я погнался за ним, когда он хотел скрыться, он бил меня, но я снова бежал следом, не замечая ничего вокруг. Когда я наконец пришел в себя, то увидел, что лежу в своей комнате в общежитии. Должно быть, кто-то принес меня сюда.

– А как сейчас себя чувствуешь?

– У меня бессонница. С того дня я ничего не могу делать, не хочу учиться, может, просто брошу все и уйду в армию.

Я ничего не сказала, только подошла к Дэну, взяла его руку и принялась раскачивать ее в темноте.

Когда я сообщила отцу, что собираюсь вернуться на учебу, он вручил мне две сберегательные книжки мамы. В обеих сберкнижках значилось мое имя – Чон Юн. Отец сказал: если я собираюсь учиться в городе, мне надо там найти себе жилье. На одной была сумма, выплаченная по полису страхования жизни, а на другой – деньги, которые мама клала понемногу каждый день на счет до болезни. Крохотные суммы неизменно каждый день поступали на счет. И как только отец не потратил эти деньги! Я попыталась вернуть ему сберкнижку с деньгами от страховой компании, но он сказал:

– Эти деньги мама оставила тебе. Ты уже взрослая и сама должна заботиться о себе.

Собирая вещи, я положила мамины сберкнижки на дно сумки. В поезде я несколько раз доставала их, пыталась сосчитать, сколько денег мама откладывала каждый день. Перед моими глазами появлялись ее руки, пересчитывающие деньги. Иногда это было десять тысяч вон, в другие дни – тридцать тысяч, а в некоторые – восемьдесят тысяч. Однажды, вероятно, что-то произошло, она положила на счет сразу двести тысяч.

В городе я нашла переделанную под комнату будку, расположенную на крыше здания на холме рядом с домом моей двоюродной сестры. Так у меня появилось недорогое съемное жилье, за него я заплатила небольшой суммой со второй сберкнижки.

Уже в этой комнате я достала из сумки землю с маминой могилы, все еще слипшуюся, будто комок риса. А затем я надела теннисные туфли, отправилась в книжный магазин на улице Чонно, где купила сборник стихов Эмили Дикинсон и атлас с подробными картами города. На обратном пути я заскочила в цветочную лавку и приобрела цветочный горшок. Я высыпала землю с маминой могилы в цветочный горшок, потом открыла атлас, чтобы выбрать место для первой прогулки. Вернувшись в этот город год спустя, я решила непременно узнать его как можно лучше. И потому мне надо было исходить его пешком вдоль и поперек.

* * *

Казалось, меня не было на занятиях уже целую вечность. Я начала посещать занятия, но по-настоящему мне интересны были лишь лекции профессора Юна. Здесь по-прежнему царил атмосфера мятежа. Я отправлялась на занятия раньше на полчаса и останавливалась около книжного магазина рядом с нашим учебным зданием. Как много воды утекло! Молодой продавец магазина обрадовался, увидев меня. Он громко воскликнул:

– Все еще одна, а?

Что? Неужели так заметно, что у меня нет друга? Я спросила:

– Откуда знаете, есть у меня парень или нет?

Он ответил:

– Это написано на твоём лице.

– Простите? – не поняла я.

И тогда он заявил:

– Одного взгляда достаточно, чтобы понять: с момента последнего поцелуя минуло много времени, – при этом хлопнул меня по плечу.

Я внимательно разглядывала ряды учебников, журналов и новых книг, но выбрала лишь небольшую записную книжку в коричневом кожаном переплете. Теперь это мой дневник. Мне понравился цвет и мягкость обложки. Я собираюсь записывать свои мысли и все происходящие со мной события. Незадолго до этого я потеряла в метро свою сумку. А в другой раз сняла в кафе кеды и забыла под столом. Скорее всего, я недолго буду вести этот дневник, и он скоро исчезнет, как и другие вещи. Я вдруг вспомнила о дневниках, которые вела еще в школе, написанные в них неразборчивым почерком всякие глупости. Все они неизменно терялись. Похоже, сумбурные рассказы и чувства, не стоившие и выеденного яйца, тоже стерлись, бесследно исчезли из моей души. Я собралась с духом и решила снова начать писать. Сначала необходимо дать новому дневнику имя. Возможно, «Записки Се». «Се» означает «новый», но у него есть еще два значения – «между» и «птица». Птица, свободно парящая в небесах. Как же лучше мне назвать дневник, «Новые записки» или «Записки Птицы»? Записки птицы. Не знаю. Это звучит немного странно. Ветреные записки? Записки в ветреный день? Весенние записки? Доказательство существования? Пару часов я перебирала различные варианты названий и, наконец, остановилась на «Коричневой Книге». Обложка же дневника коричневого цвета. Я понимаю – это скучно. И зачем я вообще все это пишу? Ведь понятия не имею, о

чем писать. Никаких мыслей. Я всего лишь надеюсь – в сравнении с предыдущими дневниками написанное здесь станет следствием моей зрелости и совершенствования.

Еще в средней школе я начала посещать кружок любителей фотографии. Я наткнулась на книгу Ролана Барта⁵, где он написал: «Литературное сочинение развивается, как растение из семени». Для меня это было подобно откровению. Позже я нашла у Барта заметки о фотографии, прочитала его книгу «Камера Лючида»⁶, и мне захотелось самой фотографировать. У нас дома был фотоаппарат, но я никогда не видела, чтобы отец им пользовался. Время от времени он доставал его и, любовно поглаживая, говорил, что, если бы мой дедушка не оставил ему в наследство баню, он стал бы фотографом и путешествовал бы по всему миру. Я хотела сама испробовать отцовский фотоаппарат, но на занятиях в кружке любителей фотографии обнаружила, что мне там нечему учиться. В этом кружке понятия не имели о том, что такое студийный и пунктум⁷, о которых я вычитала в книге Барта. Никто даже не слышал о Барте. Мне наскучил этот кружок. Как-то раз преподаватель объяснял, как делать портреты. Я не находила себе места и больше не могла сидеть на уроке. Я постаралась незаметно выскользнуть из класса, но преподаватель громко назвал по имени и остановил меня.

– Куда это ты собралась? – поинтересовался он.

Я объяснила, что должна пойти к врачу.

– Что с тобой? – спросил он.

Я была здорова, и мне не нужен был врач. Мне просто необходимо было уйти.

– Я спросил, что с тобой такое? – снова завопил он.

Я не знала, что ответить, и заколебалась. Затем вдруг выпалила:

– У меня разбито сердце.

Я сама удивилась этому детскому ответу. В тот момент я подумала: «Выставила себя на посмешище. Теперь преподаватель заставит меня пробежать по беговой дорожке десять, а то и двадцать кругов».

Руководитель кружка фотографии преподавал в колледже естественные науки. Когда ученики не слушали его, он мог заставить их ползать по земле, побить палкой или приказать до изнеможения бегать по беговой дорожке в самую жару. Я уже смирилась с неизбежным наказанием, но реакция преподавателя стала для меня полной неожиданностью.

– У тебя разбито сердце? – Он задумчиво уставился на меня поверх очков. – Тогда потопись. И в следующий раз не опаздывай.

Я вышла с территории кампуса и поднялась на холм за школой. Здесь я улеглась на безымянную могилу и устала в небо, где высоко плыли похожие на острова белые облака.

Некоторое время спустя я вновь отправилась на занятия фотокружка. С того дня я не пропустила ни одного занятия и даже стала более прилежна в изучении естественных наук, по которым раньше имела невысокие оценки. Если бы я тогда не поднялась на холм за школой к безымянной могиле и не увидела в небе медленно плывущие белые облака, то, наверное, вернула бы фотоаппарат отцу.

Сегодня состоялась большая демонстрация. Рано утром я свернула газету и отправилась выбросить ее в мусор, но мое внимание привлекла фотография двух собак. Тогда я развернула скомканную газету. Там оказалась статья о двух брошенных собаках. Одна была слепой. Стоило им куда-нибудь пойти, здоровая собака шла следом за слепой, чтобы охранять ее. Когда они переходили улицу или останавливались попить воды, здоровая собака следила, чтобы ее большая подруга безопасно прошла вперед или вволю напилась. В статье говорилось, что люди

⁵ Ролан Барт – французский философ-постструктуралист.

⁶ Камера Лючида – оптический прибор, снабженный призмой и служащий вспомогательным средством при переносе существующих мотивов на бумагу.

⁷ Студийный и пунктум – два измерения фотографии.

видели, как эти собаки отдыхали, прижавшись друг к другу головами, или одна опускала голову на брюхо другой. Стоило лишь слепой собаке остановиться, идущая следом здоровая собака тоже останавливалась.

Интересно, связано ли это с дрессировкой или же всему причиной инстинкт?

Говорят, здоровая собака не стала бы сама просто так опекать слепую собаку, но эта собака существует в действительности. Что это означает? Последние несколько дней бушевала непогода. Проливные дожди заставляли меня чувствовать себя изгоем, ослепшим от непроглядной серой мути на улицах. Я долго вглядывалась в фотографию двух собак, которые спали, прижавшись друг к другу головами или положив головы друг другу на брюхо.

Коричневая Книга – 1

Глава 2

Человек, переходящий реку

За два часа до занятий я достала из шкафа теннисные туфли, надела их и вышла на улицу. Я собиралась идти на занятия в колледж, но бросила взгляд на цветочный горшок на крыше, в нем была земля с маминой могилы. Я подумала: «Какой же цветок посадить в эту землю?» – и принялась спускаться вниз по лестнице. И хотя я заранее отметила маршрут на карте, на этот раз дорога от моего дома до колледжа оказалась извилистой и незнакомой. С одной стороны ее перекрыла полиция, и мне пришлось идти через эстакаду. На эстакаде я огляделась, ухватившись за поручни ограждения. Отсюда все выглядело иначе. Я видела крыши и то, что было недоступно моему взгляду снизу, – множество узких улочек разбегались в разные стороны от центральной улицы, окна зданий, машины, мусорные урны, крыши, фонари, трубы бань, а еще дальше – море голов людей, снующих взад-вперед по улицам.

Платаны и деревья гинкго вдоль дороги, небольшие скромные клумбы на улицах, нарисованные вручную театральные афиши – все это я видела теперь с другой точки, все это выглядело странным и динамичным, словно предстало передо мной впервые в жизни. В просветах между хаотичным переплетением линий электропередачи небо над эстакадой казалось огромным и бесконечным. Я часто смотрела на эстакаду, но никогда не поднималась наверх, чтобы осмотреть окрестности. Сверху крыши машин выглядели плоскими и абсолютно безобидными, а деревья покрытыми густыми шапками листьев. Их ветви касались окон зданий. Я двинулась дальше и оказалась перед незнакомым туннелем, заглянула внутрь. Надо ли просто войти туда? Мне хотелось, но я не знала, насколько глубоко он простирается. Нигде не было надписей, предназначен ли этот туннель для пешеходов. Я с напряжением вглядывалась в темноту туннеля, а затем развернулась и направилась на автобусную остановку, где села в автобус и поехала на занятия.

Здесь все было как прежде.

Актеры факультета драмы выглядели так, будто все еще ждали Год о. Студенты отделения фотографии носились со своими камерами за плечами в больших рюкзаках. А студенты факультета классической корейской музыки с подведенными карандашом бровями, волосами, собранными в шиньоны, и чопорными строгими лицами толпились в маленьком театре. Я отправилась на территорию студенческого городка. Тут пришло на память, как когда-то осторожно заглядывала через ворота на территорию студенческого городка, где царила возбужденная предпраздничная атмосфера, и колебалась, входить мне сюда или нет. На этот раз решительно направилась к зданию. Я не узнала почти никого. Юноши с моего факультета, должно быть, ушли в армию. Некоторые девушки, мои ровесницы, сделали химическую завивку волос, начали активно пользоваться косметикой или аксессуарами или же сделали пластическую операцию глаз. Направляясь к лекционному залу, я выискивала то, что не изменилось: библиотека, студенческий книжный магазин, почта колледжа, деревянные скамейки напротив пруда с лотосами, где я любила сидеть. Увидев привычную картину, я с облегчением вздохнула. И даже запахи в воздухе были прежними.

Первая лекция, которую я посетила, была лекция профессора Юна.

К счастью, его занятия проходили в той же аудитории, что и раньше. Я открыла дверь, вошла и направилась в самый конец аудитории, где сидело большинство студентов. Я дала себе слово, что не буду сидеть одна, но мне оказалось неудобно смотреть в затылок парню передо мной, и я пересела поближе к окну. В самом последнем ряду устроились рядышком парень и девушка, и со стороны казалось, что это пара. Интересно, был ли он студентом, повторно поступившим? Он выглядел старше, чем остальные. Что-то в нем показалось мне странно зна-

комым. Он был настолько высок, что с трудом помещался за партой. Он разговаривал с девушкой. Как раз в этот момент он вдруг повернулся и посмотрел на меня. Я тут же принялась тереть лицо ладонью и оглядываться по сторонам. Но что-то заставило меня снова обернуться к этой паре. Что-то в девушке неумолимо притягивало меня. Я все никак не могла рассмотреть ее лицо. Ее длинные черные волосы ниспадали вперед и почти полностью закрывали лицо. Каждый раз, когда юноша что-то говорил ей, она еще ниже опускала голову.

– И Мен Сё.

– Здесь.

Только когда профессор Юн начал вызывать студентов по списку, я узнала, что этого парня зовут Мен Сё.

То, что нисколько не изменилось, заставило меня перепутать этот момент с теми, что случились давным-давно.

Профессор Юн выглядел таким же худым, как и год назад, таким же неизменным, как каменные ступеньки лестницы, ведущей в библиотеку. И даже его глаза, глубокие и пронизательные, искаженные болью, когда он стоял у окна и смотрел на митингующих студентов, казались прежними. Когда я оставалась одна, мне было сложно вспомнить, какой я была год назад, но теперь в этой аудитории я вдруг все увидела настолько ясно, будто та самая я прошлого года сидела здесь. Профессор Юн называл наши имена, но, добравшись до имени И Мен Сё, он оторвался от списка и поднял голову.

– А разве ты не должен был уже закончить курс? – Профессор Юн улыбнулся и взглянул на него поверх очков.

Мен Сё почесал голову и в ответ тоже улыбнулся, немного застенчиво, но широко и открыто. Некоторые студенты тоже заулыбались. Девушка же рядом с ним еще ниже опустила голову. Мне отчаянно захотелось узнать ее имя. Я внимательно слушала, когда профессор Юн называл имена других студентов. Неужели я отвлеклась и не услышала, как он назвал ее? Он дошел до конца списка, но так и не произнес ее имени. Когда профессор Юн отложил список студентов, я снова обернулась, чтобы взглянуть на интересную парочку.

И Мен Сё. Я записала в своем блокноте это имя. Сколько времени прошло с тех пор, как я в последний раз записывала чье-то имя в своем блокноте? Во время лекции я то и дело незаметно поглядывала на них. И каждый раз я замечала что-то новое: его вьющиеся волосы, четкий профиль, манеру тереть в руках карандаш. Но эта таинственная девушка по-прежнему казалась недоступной, все время не меняла позы и не поднимала голову. Я увидела лишь кончик ее носа между длинными прядями черных волос. Меня просто распирало от навязчивого желания узнать ее имя, увидеть ее глаза. Эту девушку окружала аура таинственности, возбуждавшая мое любопытство. И возможно, по той же самой причине профессор Юн то и дело останавливался на ней свой взгляд во время лекции.

Поскольку это был первый день семестра, профессор Юн стал знакомить студентов с программой лекций, объяснил, какие нам необходимы учебники и пособия, перечислил требования при посещении лекций и изучении его предмета. Большую их часть составляли предупреждения, например: если опоздали больше чем на десять минут, нельзя входить в аудиторию, или если подряд не справились с тремя или более заданиями, то автоматически получаете неудовлетворительную оценку. Поскольку мы уже слышали все это от других профессоров, то быстро потеряли интерес. Некоторые студенты даже решили, что лекция почти закончена, и принялись собирать ручки и тетради с парт.

Профессор Юн приподнял очки и некоторое время смотрел в окно. В аудиторию ворвались шум и громкие лозунги демонстрантов. Ничего не изменилось с прошлого года. Профессор Юн обвел взглядом аудиторию и спросил:

– Вы слышали о человеке по имени Кристофер?

Кристофер? Как только профессор Юн произнес это имя, я подумала о книге Ромена Роллана «Жан-Кристоф», которую я читала в средней школе. Это вымышленная история жизни композитора Бетховена, роман в десяти томах. Поскольку это была единственная книга, которую часто перечитывала моя двоюродная сестра, не отличавшаяся особой любовью к чтению, я тоже ее прочитала. Героя романа преследуют отчаяние и горести, но он не сдаётся и продолжает стремиться к самосовершенствованию, в размах которого просто сложно поверить. Этот роман произвел на меня неизгладимое впечатление. Мне даже захотелось когда-нибудь увидеть Рейн, ведь герой романа родился в маленьком городке на берегу этой реки. Я прочитала каждый том, а потом несла в библиотеку эти желтые книги с надписью «Жан-Кристоф», прижимая к сердцу и чувствуя, как меня переполняют одновременно любовь, благоговение и уважение к этому человеку. На мгновение я решила, что профессор Юн имеет в виду Жан-Кристофа из того романа, но я не была четко уверена и потому не стала поднимать руку, только не сводила глаз с профессора. Меня не покидало ощущение, будто все мы стоим на ветру в открытом поле, а не сидим в аудитории. Все молчали, и профессор Юн продолжил:

– Это святой Кристофер из средневековой европейской легенды. Кое-кто из вас наверняка посещает церковь. Неужели никто о нем не слышал?

Одна студентка нерешительно подняла руку. Но в последний момент, похоже, потеряла уверенность и, запинаясь, произнесла:

– Не знаю, но...

– Тогда расскажите нам о том, что знаете.

Мы все захихикали. Студентка сказала, что слышала эту историю в детстве, когда посещала воскресную школу, и потому смутно помнит ее, но не идет ли здесь речь о человеке, который спасся, потому что перевез Иисуса через реку? Это больше напоминало вопрос, чем ответ. Профессор Юн кивнул. Когда девушка села на место, профессор Юн откашлялся, обвел взглядом аудиторию и тихо произнес, что такая легенда и в самом деле существовала. Студенты перестали собирать свои вещи, тут же подняли головы и ждали слов профессора Юна. А он обеими руками взялся за кафедру и начал свою лекцию.

– Я расскажу вам историю о святом Кристофере. Согласно легенде, дошедшей до нас, Кристофер был иудеем. Говорят, он был огромного роста, невероятной силы, ничего не боялся. Он решил, что будет служить лишь самому могущественному и справедливому человеку в мире. Но куда бы ни обратил он свой взор, нигде не находил того, кто достоин, чтобы посвятить ему свою жизнь. Все вокруг его разочаровывали. Если я стану рассказывать вам все подробности, эта история может утомить вас, сразу перейду к самому главному. Кристофер уже отчаялся найти человека, которому мог бы служить, и чувствовал себя несчастным. Он построил дом на берегу реки и зарабатывал на жизнь, переправляя путешественников через реку. Кристофер был очень высоким и сильным. Он использовал один-единственный шест, но при этом спокойно переходил через реку на другой берег, каким бы бурным ни было течение. Это походило на забаву. Он стал перевозчиком без лодки, то есть перевозил других на себе.

Казалось, время остановилось. В аудитории, где собралось около сорока студентов, повисла звенящая тишина, никто не смел даже кашлянуть.

– Как-то раз, глубокой ночью, Кристофер крепко спал, но вдруг услышал тихий голос, зовущий его по имени. С удивлением он распахнул дверь. Но никого не обнаружил. Лишь непроглядный мрак. Он закрыл дверь и лег в постель, но вдруг снова раздался странный голос: «Кристофер!» Он вышел наружу, но, как и в прошлый раз, за дверью оказалась лишь темнота. В третий раз голос прозвучал совсем близко. Кристофер огляделся вокруг, но никого не увидел. Тогда Кристофер взял свой шест и отправился к реке. В кромешной тьме около реки ему повстречался ребенок. Ребенок попросил Кристофера перевезти его на другой берег до рассвета. Ребенок просил так искренне, что Кристофер решил помочь ему, хотя уже поздно, но мальчик еще совсем маленький. Он посадил на плечи ребенка и вошел в реку, но едва ступил

на дно реки, как вода вдруг начала прибывать. В одно мгновение она поднялась так высоко, что едва не накрыла Кристофера с головой. И это было еще не все. Поначалу ребенок показался ему очень легким, но с каждым шагом становился все тяжелее и тяжелее. На плечи Кристофера давил огромный вес, словно он нес огромную каменную глыбу, невероятно, что маленький ребенок мог оказаться настолько тяжелым. Вода поднималась все выше и выше, а ребенок продолжал давить на его плечи непомерным весом. И вот бесстрашный Кристофер впервые задрожал от страха, что утонет в реке. Едва сохраняя равновесие при помощи шеста, Кристофер все-таки сумел перебраться на другой берег с мальчиком на плечах. Он опустил ребенка на землю и произнес: «Я уже подумал, что погибну из-за тебя. Хотя ты такой маленький, но настолько тяжелый, что мне казалось, будто я несу на себе весь мир. Я переправил через реку множество разных людей, но ни разу не было человека тяжелее тебя!» И в это самое мгновение мальчик растаял в воздухе и в облаке ослепительного света появился Иисус. Он воскликнул: «Кристофер! Ты перенес на себе через реку не ребенка. Это был я, Иисус Христос. Ты нес на плечах тяжесть всего мира».

Профессор Юн умолк и обвел взглядом всех нас. Сначала я подумала, что он хочет узнать, поняли ли мы эту историю. Но затем мне пришло в голову, что, возможно, он сам по-новому воспринял эту легенду или вспомнил другие подробности о святом Кристофере. Профессор некоторое время молчал, а затем продолжил:

– Позвольте мне задать один вопрос. Кто вы, современные люди? Похожи ли вы на Кристофера? Или на того ребенка, которого он переносит через реку?

Рассказ профессора Юна, как первые капли дождя, упал на торопливых студентов, решивших, что лекция подошла к концу, а затем обрушился на нас внезапным сильным ливнем. Сияющий луч солнца, подарок уходящего лета, проскользнул в окно аудитории, которое кто-то плотно закрыл.

Профессор Юн ожидал ответа, но все молчали. С улицы лозунги митингующих студентов проникли следом за солнечными лучами и пронеслись по аудитории. Проницательные и добрые глаза профессора Юна поверх очков по очереди останавливались на каждом.

– Всякий человек в душе одновременно и Кристофер, и ребенок, которого он несет на себе. Каждый идет вперед, борясь с трудностями и лишениями этого непростого мира в пути на другой берег реки. Я рассказал вам эту историю вовсе не потому, что хотел поговорить о религии. Мы все путешественники, переходящие реку с одного берега на другой, из этого мира в nirvanу. Но бурные воды жизни таят в себе опасность, и мы не можем просто спокойно перейти реку. Мы должны обязательно на что-то опираться. И этим «что-то» могут стать искусство или литература, то, что будет давать нам силы для достижения цели. Вы станете полагать, что вами выбранное послужит лодкой или плотом, с помощью которых можно добраться до другого берега. Но если глубоко задуматься, то можно понять: опора – не то, что перевозит вас на другой берег, а то, что вы тащите на себе. Скорее всего, лишь тот, кто в полном смысле поймет этот парадокс, сможет благополучно перебраться на другой берег. Литература и искусство не просто средства, помогающие добраться до другого берега. Это еще и цель, достижению которой можно посвятить жизнь, то, ради чего вы должны неустанно трудиться.

В это мгновение все мы, затаив дыхание, слушали профессора Юна. Его низкий, хриплый голос проникал каждому из нас прямо в глубину души. Никто больше не смотрел в окно. Даже парень в последнем ряду перестал вертеть в руках карандаш. И девушка рядом с ним наконец подняла голову и внимала словам профессора Юна.

– И в каждом из вас живет святой Кристофер. И он дает вам силы перевезти ребенка через реку. Вам судьбой предначертано вступить в бурные воды реки. И хотя вода может подниматься, вы не должны останавливаться, пока благополучно не перенесете ребенка на другой берег. Итак, как же лучше всего перейти реку?

В его словах сквозила задумчивость. Теперь голос профессора Юна стал тише и сильнее.

– Идеальный путь – стать святыми Кристоферами друг для друга. Вместе переносить ребенка через реку. И это еще не все. Нет различия между переходящим реку человеком и тем, кто помогает другому переходить. Вы не просто повторяете путь святого Кристофера с шестом в бушующих водах реки. Вы, каждый из вас – это мир и его создатели. Порой вы начинаете свой путь как Кристофер и вдруг превращаетесь в ребенка, а иногда вы те, кто помогают друг другу преодолеть реку. И потому вы должны ценить и беречь друг друга.

В тот момент доверие вдруг переполнило нас и доверху затопило аудиторию. И если тогда разбилось бы окно, то этот звук не смог бы нарушить наше доброе спокойствие.

– Итак, мои юные Кристоферы! На сегодня это все. О, и еще, может ли кто-нибудь из вас напечатать мне список литературы? Я плохо печатаю.

Никто не ответил.

– Есть желающие?

Святой Кристофер, ребенок, река, шест, судьба, мы... Сначала я записывала, но в какой-то момент бросила и полностью растворилась в повествовании профессора Юна. Я подняла руку, ведь я даже не задумывалась о том, что делаю. Несколько мгновений профессор Юн молча смотрел на меня.

– Как вас зовут?

– Чон Юн.

– Чон Юн. – Он громко повторил мое имя. – Спасибо. Зайдите ко мне после лекции.

И даже когда профессор Юн вышел из аудитории, все еще некоторое время оставались на своих местах. Я встала, чтобы отправиться в его кабинет, и со скрипом отодвинула стул. Этот звук отчетливо прозвучал в тишине аудитории и оказался сигналом для других: пора собираться и уходить.

Кабинет профессора Юна находился в другом здании. Я направилась туда и почему-то обернулась. Мен Сё и его девушка шли следом за мной в тени раскидистого дерева дзельквы.

У этой девушки была особенная походка. Одного взгляда было достаточно, чтобы запомнить ее навсегда. Я остановилась, ощущая ласковое тепло сентябрьского солнца. Под деревом собралось много студентов. Они разбивались на пары или небольшие группы, а затем разбредались в разные стороны или оставались под деревом, в ожидании кого-то. Но даже среди всего этого шумного скопления людей, хаотично перемещающихся в разные стороны, только та девушка привлекала меня. Именно на нее я обратила внимание в первую очередь, а не на идущего рядом юношу.

Но хотя она была уже совсем близко и я видела сумку на ее плече и книгу в руке, но по-прежнему не могла разглядеть лица – ее голова была опущена вниз. Девушка сильно горбилась, и оттого ее круглые плечи казались еще более искривленными, словно она смотрела на собственные ступни. Но все-таки она выглядела потрясающе. Бросалась в глаза ее широкая юбка с белыми мелкими цветочками на темно-синем фоне и белоснежный пиджак. Яркость этих крошечных цветов на ее юбке никак не вязалась с ее внешностью и откровенно ей противоречила. Когда она проходила мимо дзельквы, юбка вздулась на ветру, как парус, а затем снова опустилась вниз. Именно эта юбка сильно отличала ее от других студенток. Наши ровесницы редко носят такие юбки. Большинство вообще предпочитает джинсы или брюки. И даже если кто-то надевает юбку, она не вздувается на ветру, как парус.

У юноши была не менее удивительная походка. Казалось, он не привык ходить по земле, а перемещался исключительно по воздуху. Когда он шел, казалось, будто одна нога поднималась в воздух прежде, чем он успевал опустить на землю другую ногу. Если девушка выглядела так, будто тонет в земле, то он готов был раствориться в воздухе при первом сильном порыве ветра. Я еще некоторое время наблюдала за ними, а затем отправилась своей дорогой.

Я нашла кабинет профессора Юна, уже собиралась постучать, но тут заметила, что дверь слегка приоткрыта, и распахнула ее. Профессор Юн поднял голову и взглянул на меня. Мне

показалось, что его письменный стол отделен от всех какой-то перегородкой, но, приглядевшись, поняла – это лежат стопки книг. Стол профессора Юна располагался за этими книжными стопками.

– Входите.

Когда я вошла в кабинет, профессор Юн встал из-за стола. Верхняя часть его тела оказалась над книжной перегородкой. Я увидела у него в руке пачку листов бумаги.

– Посидите здесь.

Судя по всему, в этот момент профессор Юн был занят какими-то важными делами, потому что он снова уселся за стол и до меня донеслось шуршание бумаг. Вместо того чтобы усестись на диван, я продолжала стоять и разглядывала кабинет. Здесь не было ни растений, ни картин на стенах. Повсюду виднелись книги, втиснутые в книжные полки, и ни одного календаря или даже зеркала на стене. Такие старые книги, которые, казалось, рассыплются в прах, если к ним прикоснуться, виднелись на полках корешками к стене, и потому нельзя было прочесть их названия. Из любопытства я потянулась к одной из книг, но как раз в этот момент раздался стук в дверь. Мы с профессором Юном одновременно обернулись. Дверь распахнулась, и в кабинет вошли те двое молодых людей, за которыми я наблюдала под дзельквой. Тогда они, похоже, тоже направлялись в кабинет профессора Юна. Профессор Юн взглянул на них, а затем встал и направился к дивану. В руках он держал пачку бумаг.

– Вы еще не устали от меня? Нам пора бы перестать постоянно встречаться, – заметил профессор Юн, но при этом приветливо улыбнулся юноше.

И точно так же, как на лекции, тот почесал голову и тоже улыбнулся.

– Я хотел познакомить вас со своей подругой, – сказал он.

– Ты думал, что тебя одного мне недостаточно, и решил привести еще и подругу? Присаживайтесь.

Я по-прежнему стояла перед книжными полками, тут профессор Юн перевел взгляд на меня. Порой в нашей жизни бывают мгновения, когда мы будто заново переживаем какую-то ситуацию, хотя прежде такого с нами не случалось. Профессор Юн сел рядом со мной, а юноша и его подруга устроились напротив. Мне было неловко сидеть рядом с профессором Юном, но сесть рядом с девушкой я тоже постеснялась. Юноша и девушка были словно тени друг друга, и потому никто не мог сидеть между ними. Это казалось очень странным. Меня захлестнуло ощущение дежавю – когда-то мы уже вот так сидели. Юноша и я впервые посмотрели друг другу в глаза. У него были черные-черные брови, словно их натерли углем. Это тот глубокий черный цвет, который будто полностью впитывает вас в себя. Когда его лицо меняло выражение, первыми шевелились брови. Его близкие родственники наверняка научились определять по его бровям, в каком настроении он пребывает в данный момент. А под бровями задумчивые глаза, казалось, на мгновение улыбнулись и тут же скользнули мимо меня. Его нос остро выдавался вперед между выступающими скулами.

Она же не удостоила меня взглядом и в этот раз. И она по-прежнему держала руки в карманах.

– Мы дружим с детства, – сказал он. – Она учится в Университете К., сейчас в академическом отпуске и хотела бы посещать ваши лекции. Мы пришли попросить вашего разрешения.

Когда я слышала, что они друзья детства, в памяти немедленно всплыло лицо Дэна.

– Ты хочешь сказать, что она взяла академический отпуск в своем учебном заведении?

– Да, – ответил юноша.

– Как вас зовут?

– Юн Миру.

И хотя за девушку отвечал ее друг, профессор Юн обращался прямо к ней.

– Мир?

– Нет, сэр. Не Мир. Миру.

Юн Миру. Я про себя прошептала ее имя, чтобы никто не мог услышать. Юн Миру. Юн Миру.

– Почему ты все время отвечаешь за нее?

Мен Сё застенчиво улыбнулся.

– А почему вы хотите посещать именно мои лекции? – обратился профессор к девушке.

Миру подняла голову. Наконец-то! Я смогла увидеть ее лицо. Она немного прищурилась. Ее черные глаза казались одним сплошным зрачком. И хотя она опустила голову, я разглядела ее гладкий лоб, ровный и тонкий нос, полные и чувственные губы. Это было прекрасное лицо с безупречной кожей. Любой бы мог навсегда запомнить такое лицо. Но в этот момент она вытащила руки из карманов. Меня словно током стукнуло. Это была непровольная реакция. Ее ужасные руки. У девушки с таким лицом оказались иссохшие и сморщенные кисти и ладони. У Миру, обладавшей чудесными темными глазами и чистой кожей, оказались руки старухи. Это и был ответ на мое острое любопытство, почему я не переставала гадать, кто же она такая, пыталась разглядеть ее лицо на лекции. Это был и одновременно ключ к пониманию несоответствия, которое нельзя было объяснить лишь одной ее яркой юбкой. Вероятно, она почувствовала мой взгляд и тут же спрятала руки в карманы. Но, похоже, профессор Юн тоже успел разглядеть ее руки. Он выглядел таким же удивленным, как и я, когда непровольно вздрогнула, впервые увидев то, что скрывала эта девушка. В кабинете повисло неловкое молчание.

– Что случилось с твоими руками? – спросил Миру профессор Юн.

Я и не представляла, что профессор Юн может так прямо спросить человека, на руки которого даже смотреть было больно. Миру снова вытащила руки из карманов, вытянула их вперед и растопырила пальцы. Этого я от нее никак не ожидала. Она так смотрела на свои руки, будто они принадлежали не ей, а кому-то другому.

– Я обожгла их.

Я впервые услышала ее голос. Он был чистым и звонким.

– Ты обожгла их кипятком?

– Нет, бензином.

– Должно быть, это очень больно, – тихо произнес профессор Юн, обращаясь к самому себе. Он не спросил, как это произошло.

Миру ответила:

– Да.

– Но ты ведь не считаешь руки символом того, кто ты есть?

При этих словах у меня все внутри сжалось, но Миру держалась абсолютно спокойно. Мен Сё вскинул брови и напряженно выпрямился на диване. Казалось, он хочет прервать этот разговор, чтобы не зашел дальше.

– Что ж, профессор, мне кажется, вы даете свое согласие.

Профессор Юн поднял голову, но посмотрел на Миру, а не на юношу.

– Куда бы ты ни пошла, ты везде привлекаешь внимание.

В комнате снова воцарилось неловкое молчание.

– Прежде чем увидел твои руки, я заметил тебя. Мы никогда раньше не встречались, но ты обладаешь неповторимым сиянием.

– Да?!

– Твои руки, освободи себя от ощущения своих рук.

– Как?

– Если ты хочешь освободиться, тогда можешь посещать мои лекции. Ну а если нет, то не стоит попусту тратить время.

Темные глаза Миру мрачно смотрели на профессора Юна. Я вдруг поняла, что в ее странной энергии чувствовалась примесь тревоги. Сейчас ее глаза буквально светились тревогой и страхом, и, казалось, она вот-вот бросится на профессора Юна. Но в следующее мгновение ее

веки затрепетали, и она перевела взгляд на меня. Полные мольбы и вопросов, ее глаза словно искали спасения. Я вдруг тоже выпрямилась на диване, а затем протянула ей руку. Ее темные глаза сосредоточились на моей протянутой руке. Мен Сё встал и ласково взял ее за руку. Ее сморщенная обожженная рука доверчиво скрылась в его большой и сильной ладони, словно это было самое подходящее для нее место в мире.

– Мы пойдем.

Миру тоже встала. Юноша повел ее к двери и уже собирался выйти из кабинета, как вдруг остановился и обернулся.

– Чон Юн, – отчетливо произнес он мое полное имя. – Прошел уже целый год.

Мне не показалось странным, что он вот так произносит мое полное имя. Поскольку я сама узнала его имя во время переключки, то, вероятно, он тогда запомнил и мое имя. И все же, когда он заговорил со мной, у меня появилось предчувствие, что скоро мы втроем будем прогуливаться по городу.

– Я хочу поблагодарить тебя.

Он стоял в дверях кабинета в ожидании ответа. Я не понимала, за что он благодарит меня, но кивнула. Наконец он слегка поклонился профессору Юну. Миру тоже смотрела на меня, ее изуродованная ладонь по-прежнему скрывалась в большой ладони друга.

Когда пара вышла из кабинета, мы с профессором Юном некоторое время молчали. По какой-то причине он вел себя с Миру довольно холодно и неприветливо, но вот глубоко вздохнул и снова превратился в преподавателя, который рассказал нам историю о святом Кристофере.

– Ты быстро печатаешь?

Я молча улыбнулась в ответ.

– Так ты быстро печатаешь? Просто ответь мне, не надо улыбаться.

Я вспомнила, как звучал его голос, когда он требовательно сказал: «Тогда расскажите о том, что знаете!» той девушке на лекции. Я уже давно привыкла молча улыбаться, когда была не уверена в правильности ответа на вопрос. И никто еще ни разу не сделал мне замечаний по этому поводу.

– Вообще-то быстро.

– Насколько быстро?

– Достаточно быстро для того, чтобы мои руки не мешали моим мыслям.

– Понимаю. Завидую людям, которые умеют печатать десятью пальцами. Я пытался научиться, но это оказалось для меня непосильной задачей. Я из тех, кто печатает одним или двумя пальцами. И в отличие от тебя мои руки не в ладу с мыслями. Когда я пытаюсь печатать, мои мысли вынуждены замедлять бег и стараются приноровиться к медленному ритму работы рук.

Я не знала, что можно так говорить.

«Мои мысли вынуждены замедлять бег и стараются приноровиться к медленному ритму работы рук». Манера речи профессора Юна была необычной и незнакомой, но я чувствовала, что смогу понять, о чем он говорит.

Принять решение вырваться из сонливой апатии, которую я ощущала в родительском доме, и вернуться в город мне помогла ночная прогулка в компании Дэна. В ту ночь, когда я и Дэн с налобным фонарем отправились на могилу моей мамы, я едва не спросила его, любит ли он меня. После его рассказа о драке с однокурсником, ставшим полицейским, я вдруг ясно поняла, что должна вернуться в город. И это решение удержало меня от вопроса, любит ли он меня. Я осознала: надо спрашивать человека, любит ли он тебя, только если ты сам его любишь. И совсем не важно, каким может оказаться ответ этого человека. В ту ночь, когда я взяла пригоршню земли с маминой могилы, я приняла решение вернуться в город, но моя душа еще не вернулась сюда и, похоже, бродила где-то далеко. Возможно, это чем-то напоминало чувства

профессора Юна, когда он смотрел, как его медлительные пальцы неповоротливо следуют за уже родившимися мыслями в его голове.

Я вспомнила мужа своей двоюродной сестры, который однажды сказал слова, похожие на сегодняшние слова профессора Юна. Каждый вечер, когда он возвращался после целой недели отсутствия, сестра готовила на ужин особенные блюда. Рис, суп из морских водорослей, жареный горбыль, яйца на пару, красные водоросли, подрумяненные на огне, шпинат со специями, стручки золотистой фасоли и редис. Все, что особенно любил муж сестры. В те вечера после возвращения из полетов мы иногда ужинали втроем. Как-то раз он вернулся домой настолько обессиленным, что не мог есть. Сестра поставила на стол блюдо с жареным горбылем и спросила, не заболел ли он. Муж моей сестры ответил, что самолет летел слишком стремительно и потому его тело оказалось здесь быстрее, чем душа, которая не успела за самолетом и все еще находится на пути домой. Еще добавил, что почувствует себя лучше, когда его душа наконец доберется до дома.

Профессор Юн протянул мне стопку листов и спросил:

– Может быть, дать поменьше? Здесь слишком много.

– Нет, в самый раз.

– Я собираюсь использовать копии на лекциях как основное пособие для моего курса.

Мне не хотелось бы тебя сильно утруждать, но, вероятно, это поможет тебе в учебе.

Тонкие пальцы профессора Юна замелькали у меня перед глазами. Крохотные замечания жались между строками рукописи. К некоторым страницам были приклеены цветные листочки для записей, испещренные убористым почерком. Профессор Юн взял со стола большой конверт и положил в него рукопись.

– Ты можешь добавить в рукопись комментарии на листочках, следуя моим письменным указаниям.

Дочь хозяина дома, где мы жили с двоюродной сестрой, оказалась моей ровесницей. Она училась в профессионально-техническом училище и имела пишущую машинку. У нее было еще множество разных вещей, но я всегда вспоминала именно эту пишущую машинку. Я так хотела заполучить эту машинку, что, закрывая глаза, тут же представляла выгравированное на ней слово «Клевер». При всяком удобном случае я заходила в комнату дочери хозяина, останавливалась перед пишущей машинкой, вытягивала пальцы и начинала постукивать по клавишам: так-так-так. Поначалу дочери хозяина не нравилось, что я трогала ее машинку, но когда она поняла, как мне это интересно, то научила меня печатать. Я выучила расположение клавиш. Мне нравился звук, который издавали клавиши, когда я ударяла по ним подушечками пальцев. Мне нравилось смотреть, как каждый раз, когда двигались мои пальцы, так-так-так, прежде неподвижные клавиши приходили в движение, а на белой бумаге одна за другой возникали чернильно-черные буквы. А немного позже дочь хозяина стала иногда приносить свою машинку в комнату, где я жила с сестрой, чтобы я могла печатать самостоятельно. Всякий раз я чувствовала невероятный восторг и радостное возбуждение, усаживаясь перед пишущей машинкой, смотрела на нее с такой любовью, будто это мой ребенок. Поначалу я печатала только слоги: га, на, да, ра, а затем простые слова: я, ты, мы, и так до бесконечности. К тому времени, когда стала печатать быстрее дочери хозяина, я перепечатывала письма Ван Гога, адресованные его младшему брату Тео. Я занялась этим, потому что мне нравилось обращение: «Дорогой Тео!»

«Тщательное изучение и постоянное перерисовывание работ из „Полного курса рисунка“ Барга позволили мне лучше понимать суть рисования. Я научился измерять границы, видеть и искать широкие контуры, и потому, слава богу, то, что раньше казалось совершенно невозможным, постепенно становится осуществимым. Раз пять я рисовал человека с лопатой, землекопа, в различных положениях, дважды – сеятеля и еще два раза – девушку с метлой. Затем

– женщину в белом чепце, чистящую картофель; пастуха, с посохом в руке; и, наконец, старого больного крестьянина, который сидит на скамье перед очагом со склоненной головой на руки, опираясь локтями о колени.

И конечно же я на этом не остановлюсь. Стоит лишь нескольким овцам перейти мост, как они принимаются щипать цветы. Теперь я буду неустанно рисовать землекопов, сеятелей, мужчин и женщин за работой. Тщательно изучать и рисовать все, что является частью сельской жизни. Я буду вести себя так, как поступают другие. Теперь я не чувствую себя беззащитным перед природой, как прежде».

Я замерла над клавишами, перечитывая текст о копировании рисунков Барга. Он написал, что «больше не чувствует себя беззащитным перед природой» потому, что много раз перерисовывал эти картины. Я сложила напечатанный листок и отправила его Дэну, надеясь, что Дэн, который уверял меня, что полностью посвятит свою жизнь рисованию, будет кропотливо трудиться над своими картинами, как Ван Гог.

Именно благодаря моему старанию научиться печатать на пишущей машинке я оказалась в кабинете профессора Юна.

Я машинально перевела взгляд на полку, где книги стояли корешками внутрь.

– Тебе интересно, почему я так поставил эти книги?

– Да.

– Они принадлежат писателям, которые умерли до тридцати трех лет. Я их коллекционирую.

«Писатели, которые умерли до тридцати трех лет!» Я произнесла эти слова не вслух, про себя, затем посмотрела на профессора Юна.

– Готов поспорить, теперь ты хочешь спросить, при чем здесь тридцать три года. Именно столько было Иисусу Христу, когда он умер на кресте. Именно в этом возрасте Александр Великий создал свою империю и погиб. После тридцати трех лет человек уже не может считать себя молодым. А разве мы не говорим, когда кто-то умирает до тридцати трех лет, что он умер молодым? Творческим людям ранняя смерть порой приносит славу. Их работы всегда внушали мне благоговение, наполняли трепетом и симпатией. Если тебе интересно, можешь взять почитать.

– Спасибо.

Профессор Юн подошел к столу за книжной перегородкой, а затем вдруг неожиданно спросил меня:

– Ты дружишь с Миру?

– Сегодня я впервые увидела ее.

Он некоторое время молча смотрел на меня.

– Я хочу поблагодарить тебя.

Он повторил слова Мен Сё, которые тот произнес, выходя из кабинета вместе с Миру.

– Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты протянула ей руку. Я думал, как помочь ей смело взглянуть в лицо этому миру. Но мне и в голову не пришло протянуть ей руку, как ты. Когда ты это сделала, мне стало стыдно. И хотя она не приняла твоей руки, возможно, она сумеет справиться со своим грузом боли и тоски из-за своих собственных рук. И это – благодаря тебе.

После таких слов профессор Юн сел за стол спиной ко мне. Он выглядел слабым и обессиленным. Я еще некоторое время смотрела на него, а затем убрала рукопись в сумку, вышла из кабинета и осторожно прикрыла за собой дверь. Я взглянула на табличку с именем профессора на двери, а затем перевернула висящую на ручке двери вывеску «Ушел из кабинета» и пошла к выходу из здания.

Я медленно шла к большой дзелькве, надеялась, что Мен Сё и Миру окажутся там, но их там не было. Мимо с занятым видом торопливо прошла группа студентов. Я уселась на скамейке под деревом, подняла голову и взглянула на далекое небо. Оно постепенно скидывало летнюю оболочку перед приходом ранней осени; белые облака, словно огромные глыбы мороженого, неспешно проплывали мимо. Откуда-то налетел легкий ветерок и наполнил еле слышным шепотом листья дерева. Интересно, здесь всегда так было? Запах слезоточивого газа остался прежним, но тисы, стеной возвышавшиеся вокруг студенческого городка, еще никогда не казались такими зелеными. Недалеко на траве расположились студенты, которых я недавно видела на лекции. Они громко разговаривали, и обрывки их фраз долетали до меня. Студенты обсуждали недавно услышанную историю о святом Кристофере.

– Итак, мои юные Кристоферы! – Кто-то передразнил профессора Юна. – Кто-нибудь может рассказать мне о названии этой книги?

Они все уставились на книгу в руках юноши. Это был учебник по курсу синтаксиса «Что есть искусство».

– Изменники! – завопил кто-то осуждающим тоном, и веселое настроение компании мгновенно испарилось.

– Какая нам польза от искусства? Оно не в состоянии научить нас, как заработать деньги или найти работу. Оно не может помочь нам на любовном фронте. И уж точно не подскажет, стоит ли нам выходить на демонстрации! – Кто-то изо всех сил повысил голос, будто стараясь изгнать нахлынувшую печаль, но это не помогло.

Настроение собравшихся на лужайке студентов осталось прежним.

Другой студент откинулся на траву, уставился на небо и изрек:

– Помните, что сказал Рембо? Лучшее, что можно сделать в жизни, – это выпить дешевого вина и спать на морском берегу.

– А что делать, когда ты протрезвешь? Что ты можешь сделать?

– Снова выпить и отправиться бродить по улицам.

– Идиот! Ты считаешь, что сможешь прожить всю жизнь как люди богемы из прошлого века? – завопил студент с учебником в руке. Он вдруг вскочил и бросился бежать.

Студент, который легкомысленно выкрикнул слово «изменники», уперся руками в землю, встал на колени и посмотрел туда, откуда доносились крики митингующих студентов. Я поднялась со скамейки и принялась прогуливаться мимо старых каменных зданий студенческого городка и новых домов с лифтами. Впервые я специально бродила мимо зданий на территории городка. Проходя мимо тех мест, где студенты собирались в большие группы, я вглядывалась в их лица. Поначалу я не знала, кого ищу. Но когда, наконец, поняла, что разыскиваю Мен Сё и Миру, то вернулась под дзелькву и долго сидела в одиночестве на скамейке. Ни его, ни Миру не было.

* * *

Снова приснился этот сон. Мне кажется, что кто-то зовет меня, вот я открываю дверь и выглядываю наружу. Но за дверью лишь непроглядная чернота. Я делаю шаг в темноту и останавливаюсь. Когда я рассказал Миру о своем сне, она крепко сжала мою ладонь. И попросила, чтобы я не следовал за этим голосом. Сказала: если мне еще раз приснится этот сон, то я не должен даже открывать дверь и ни в коем случае не выходить наружу. Неужели я могу контролировать свои действия во сне? Она выглядела такой серьезной, когда спросила: «Ты ведь не выйдешь за дверь, правда?» Мелькнула мысль: «Я видел во сне нечто необычное». Едва я произнес: «Только если ты пообещаешь, что перестанешь искать его...» – Миру резко вскинула голову и посмотрела мне в глаза. Я почувствовал себя очень скверно. Так, словно предал ее сестру Мире. Через некоторое время я извинился. Она сказала, что больше не станет просить

меня помочь ей искать его, и посоветовала оставить ее в покое. Она не желала, чтобы я вел себя как ее родители. Я слушал и не говорил ни слова. Миру откашлялась и продолжила: «Если я не выясню, что произошло с человеком, которого ищет сестра, то не смогу жить в ладу с собой».

Как-то раз до начала занятий Миру читала одну из книг профессора. Она была издана шесть лет назад. Неожиданно Миру заинтересовалась, был ли профессор холостяком. Я ответил, что если она подразумевает его жизнь в уединении, то да. Тогда она ответила, что, кажется, знает, почему он живет один. Мне представлялось странным, что она так говорит о совершенно незнакомом человеке. Кроме двух книг стихов, опубликованных в молодости, профессор издал сборник эссе, который как раз читала Миру. В этом сборнике не было упоминаний о его личной жизни, а лишь размышления профессора о поэзии. За десять лет с момента выхода этой книги он так больше ничего и не опубликовал. Ни одной брошюры стихов. Если вы хотели прочитать какие-нибудь его стихи, написанные после издания второго сборника, необходимо было основательно покопаться в старых журналах в библиотеке. До того момента, как Миру предположила, что профессор холост, я не задумывался, женат он или нет. Хотя это предположение не оставляло сомнений. Я спросил, почему она считает его холостяком, и Миру ответила, что он похож на человека, кое-что повидавшего в жизни. Я не понял ее утверждения. Она пробормотала себе под нос, что, вероятно, он видел то, чего не может забыть. Я спросил, почему она так думает. «Здесь в книге есть рисунок без пояснений». Она протянула мне раскрытую книгу и указала на страницу. Здесь не было имени художника, но я сразу понял, чей рисунок.

– Арнольд...

Когда я запнулся, Миру закончила за меня:

– Арнольд Бёклин⁸.

Миру, похоже, о чем-то глубоко задумалась. И вдруг сказала, что хочет посещать лекции профессора.

Я удивился:

– Почему вдруг человеку, который перестал посещать свое учебное заведение, взбрело в голову ходить на лекции в другое?

Хотя это не такая уж плохая идея. Возможно, лекции профессора помогут ей сдвинуться с мертвой точки. Я так хотел, чтобы она вернулась к нормальной студенческой жизни. Но когда я произнес это вслух, Миру огрызнулась: «Ты мне и слова не даешь сказать!» С каждым днем она все больше походила на свою старшую сестру. Она заявила, что сделает все возможное, чтобы найти пропавшего человека, которого не удалось разыскать ее сестре. Но разве можно отыскать того, кто умер? Каждый раз, когда Миру собиралась найти его, я не знал, что делать.

Сегодня на лекции я видел Чон Юн. Я думал, что Чон-Юн – это ее первое имя, но, наверное, это все-таки Юн, а Чон – ее фамилия. Похоже, она вернулась на занятия после перерыва в учебе. Она казалась более хрупкой, чем прежде. Я никогда не видел ее взволнованной или счастливой, ни тогда, когда мы только поступили, ни сейчас. Мне всегда было интересно, о чем она думает. Готов поспорить – она меня не узнала. Как-то раз я долго шел за ней. Она двигалась в глубокой задумчивости. Я смотрел на нее и испытывал странные чувства. Она остановилась перед зданием, просто стояла и не входила внутрь. Я тоже остановился и наблюдал за ней. Сколько раз я вот так наблюдал за ней! Как-то я заметил, притаившись у нее за спиной, как она в одиночестве читает Эмили Дикинсон. И вот я наблюдал: она стоит с низко опущенной головой, затем вдруг ковырнула землю ногой, развернулась и поспешила прочь. Все это произошло в одно мгновение.

⁸ Арнольд Бёклин – швейцарский живописец, график, скульптор.

В тот день я не видел ее на занятиях. А чуть позже узнал – она взяла академический отпуск. Она всегда была одна, всегда старалась держаться подальше от других и от меня. Я не помню, чтобы хоть раз поздоровался с ней. Как-то вечером, в первом семестре, мы все отправились в Иронг в координационный лагерь для первокурсников. Среди множества других студентов она была единственной, кто привлек мое внимание. И я до сих пор это помню. Черные как смоль волосы, рассыпавшиеся по плечам, упрямо поджатые губы, черная жилетка поверх белой рубашки, белоснежные теннисные туфли. Ее глаза в отсветах мерцающего пламени походного костра, отказ петь вместе с остальными, какую бы песню мы ни затягивали в тесном кругу на берегу реки. На следующий день я проснулся на рассвете, с трудом поднялся с земли, на которой лежал вповалку с другими чересчур много выпившими товарищами, и поплелся к реке. У меня ужасно болела и кружилась голова. Около реки я упал на колени, изводимый тошнотой, как вдруг сквозь смутную пелену тумана, поднимающуюся от воды, я заметил ее силуэт. Сначала мне показалось – она умывалась. Ее лицо было влажным. Она считала, что ее никто не видит. Но, заметив меня, она вскочила и низко опустила голову. Она не умывалась, просто плакала, сидя на берегу реки. Ее глаза покраснели и опухли, значит, пролила уже много слез. Она старалась не смотреть мне в глаза, но я двинулся следом за ней. Я уже забыл, что меня несколько минут назад рвало на берегу реки. Она остановилась около головешек вчерашнего костра. Туман навис даже над остывшим пеплом. Она присела перед обуглившимися поленьями. Я присел рядом. Она уперлась руками в колени и закрыла лицо ладонями. Я сделал то же самое. Она подняла голову и положила ее на руки. Я повторил каждое ее движение. Она спросила, зачем я передразниваю. «Чтобы рассмешить тебя!» Думаю, все это выглядело не слишком смешно, потому что она лишь слабо усмехнулась. «Вы меня знаете?» – «Пока еще нет». – «Если вы меня не знаете, то как можете рассмешить?» Она продолжала называть меня на «вы». «Но ты ведь только что рассмеялась». Она внимательно посмотрела на меня сквозь туманную дымку. Ее глаза по-прежнему казались опухшими. Вероятно, она видела, как меня рвало около реки, потому что достала из кармана аспирин, протянула мне, а затем встала и скрылась в тумане. Ушла с опущенной головой.

Коричневая Книга – 2

Глава 3

«Мы дышим»

Мне пришла в голову удачная идея познакомиться с городом, бродя по его улицам. Эти прогулки вызвали во мне забытые мысли и привлекали внимание к бурлившей вокруг жизни. Это размеренное движение вперед, шаг за шагом, напоминало чтение книги. На пути мне попадались утопающие в тени деревьев дорожки и узкие рыночные улочки, где незнакомые люди разговаривали, просили у кого-то помощи и обращались друг к другу по именам. Незнакомые люди и улицы проносились перед моим взором.

Как-то раз я обнаружила дорогу к студенческому городку, огибающую туннель, и теперь путь на занятия доставлял мне огромное удовольствие. Однажды утром я снова дошла до туннеля. Не зная, как обойти его, я огляделась и заметила сбоку лестницу. Я поднялась по ступенькам и наверху обнаружила тропинку к маленькой деревушке, раскинувшейся на крыше туннеля. Узкая петляющая тропинка взбиралась на холм над туннелем и убегала к деревеньке со старыми домиками с черепичными крышами. Отсюда можно было всего за пару минут добраться до студенческого городка на автобусе, но, если идти пешком над туннелем, мне понадобилось бы добрых двадцать минут. Когда я поднялась наверх и пошла по дороге, впереди меня ждали новые лестницы.

В деревеньке над туннелем передо мной открылась картина, какой я не видела в городе. На высокой дымовой трубе из красного кирпича красовались большие белые буквы – «Баня». Ворота домиков, где продавались разнообразные глиняные горшки, были распахнуты настежь, и я даже заметила вывеску «Библиотека общественных наук». На пустом участке возвышался мирт, похожий на тот, что рос на маминой могиле. Но это дерево, судя по всему, было гораздо старше – его ствол оказался толще, а ветки раскинулись гораздо шире, чем у маминого мирта. Дорога превратилась в тропинку, настолько узкую, что мне пришлось отступить в сторону, когда навстречу мне попались две смешливые девчонки с рюкзаками. Здесь жизнь текла гораздо размереннее и спокойнее, деревенских жителей не интересовали те, кто жил внизу. Я украдкой заглянула за стену, достающую мне до плеча, и заметила ломтики дайкона, разложенные на круглом соломенном подносе для сушения. Ярко-красные перчики чили свисали с выющихся стеблей, посаженных ровными рядами в голубом пластиковом ящике. Перед чьим-то домом я даже увидела цветочный горшок с ранними хризантемами. В одном переулке я наткнулась на длинный деревянный настил между двумя домами, на нем пожилые женщины месили тесто и шинковали что-то вроде тыквы. Когда я проходила мимо, они вдруг резко отвлеклись от своего занятия и уставились на меня так, будто перед ними появился инопланетянин. В первый раз в незнакомой деревеньке над туннелем я шла очень медленно, чтобы все хорошо запомнить.

Очень скоро я настолько привыкла, что могла пройти из одного конца деревни в другой всего за десять минут. А позже, даже не гуляя по деревушке, я мысленно часто в нее возвращалась. Когда шел дождь, я вспоминала соломенный поднос с ломтиками овощей, сушившихся на стене, и беспокоилась, убрали ли его в дом. Мне даже понравилось здороваться со встреченными на улице девочками. Я опускала голову, увидев мужчину, перемешивающего бетон. Он снимал рубашку, и его тело лоснилось от пота, а вздувшиеся мышцы свидетельствовали о тяжелой работе. Я обнаружила: если потрачу лишние пять минут и пойду в обход по пути домой, то могу выйти на улицу, где полно букинистических магазинов. Чтобы попасть на эту улицу, мне надо было перейти по подземному переходу и обойти бейсбольное поле, но меня это не останавливало. Я заходила в магазинчики, разглядывала старые книги в огромных стопках, опускалась на корточки, чтобы прочитать названия книг в самом низу стопки. К тому времени,

как я обнаружила эту улицу, чувство заброшенности с момента моего возвращения в город, ощущение побега из дома и скитаний по незнакомым местам понемногу начали отступать.

В течение почти трех недель, когда я исследовала разные дороги от моего дома до учебного корпуса, я ни разу не видела Миру. Мен Сё я тоже не видела нигде, кроме лекций профессора Юна. Каждый раз, заходя в аудиторию, я первым делом проверяла, здесь ли он. Юноша всегда сидел один на том же месте, что и в первый день занятий вместе с Миру. Всегда там. В конце лекций я украдкой бросала на него взгляд, но его уже не было в аудитории. Иногда во время прогулок я так глубоко погружалась в размышления о нем и о Миру, что абсолютно забывала, где нахожусь.

Я не понимала, почему не могу выбросить Миру из головы. Она всецело завладела моим сердцем. Когда заканчивалась лекция профессора Юна, я ломала голову, где же мог быть Мен Сё, и бродила по зданию в поисках его. Я не знала, что сказать ему, но все равно продолжала искать. В конце концов я уже не знала, кто больше меня интересует, он или Миру.

Наконец настал день, когда профессор Юн раздал листки рукописи, которую он составил, а я напечатала. Но в тот день даже Мен Сё не пришел на лекцию. Профессор Юн выложил стопку бумаг на кафедру, чтобы каждый мог взять свой экземпляр при выходе из аудитории. Я долго смотрела на напечатанные черные буквы рукописи, затем взяла еще две копии и положила в сумку. В тот момент я думала о нем и о Миру. Когда профессор Юн объявил, что это я напечатала рукопись, я машинально бросила взгляд на то место, где Мен Сё обычно сидел. Однако его там не оказалось. Мне стало обидно, что он не слышал, как профессор Юн сообщил, что это я напечатала рукопись. И хотя это и небольшая заслуга, мне было приятно смотреть на плоды своего труда. На обложке законченной рукописи я увидела слова «Мы дышим». Профессор Юн написал их от руки. Я поняла, что это название книги.

«Мы не должны писать ни одного предложения, которое могло бы послужить насилию».

Так начиналась книга «Мы дышим».

В тот момент, когда достала рукопись из конверта и прочитала первое предложение, я вдруг невольно распрямила спину. Я печатала это предложение снова и снова, столько раз, сколько прожила на этом свете, каждый раз вставляя чистый лист бумаги. Я так глубоко погружилась в это занятие, что вдруг поняла: я уже не та девушка, которая принесла рукопись в эту комнату. Критические отзывы на стихи и рассказы, подобранные профессором Юном, заполняли белые листы бумаги. Я начала улавливать смысл его слов, когда он сказал, что не хотел бы меня сильно утруждать, но, вероятно, это поможет мне. Тексты на записках, приклеенных к страницам, были приложениями. Заметки на полях и дополняющие рассказы были отмечены желтыми самоклеющимися листочками со стрелками, указывающими, в какое именно место в рукописи надо их поместить. Попадались даже стихи, неразборчиво переписанные от руки, и я поняла – мне придется самостоятельно искать их в книгах.

На следующий день я отправилась в магазин, где можно было взять напрокат пишущую машинку. Я заметила этот магазинчик по пути в книжную лавку на улице Чонно. Кратчайший срок проката – месяц. Я взяла машинку и отправилась к автобусу.

Как и этот день, после случались такие дни в моей жизни, когда я сломя голову врвалась в свою комнату и торопливо садилась за пишущую машинку печатать рукопись профессора Юна. Когда меня охватывало это непреодолимое стремление, я не могла потратить лишние десять минут для того, чтобы пройти через дереушку над туннелем, или пять минут, чтобы дойти до дома по улице с букинистическими магазинчиками. Я и опомниться не успевала, как оказывалась в автобусе.

Поначалу меня раздражали собственные опечатки, стоило мне ошибиться хоть раз, как я тут же вставляла чистый лист бумаги и принималась печатать заново. Но спустя некоторое

время я стала замазывать опечатки специальной жидкостью. Печатая одну страницу за другой, я постепенно начала лучше разбирать почерк профессора Юна. Сначала мне приходилось ломать голову, что же за буква или слово передо мной, и я помечала страницу, чтобы позже это выяснить. А затем я отправлялась в студенческую библиотеку и сравнивала страницу из рукописи с оригиналом. Я могла бы обратиться за помощью к профессору Юну, но мне хотелось вернуть ему полностью напечатанную рукопись без лишних вопросов.

Когда посреди ночи мои плечи начинали ныть от усталости, я отрывалась от пишущей машинки, опиралась о подоконник и смотрела на мир за окном. Я видела яркий свет, льющийся из густой россыпи жилых домов у подножия горы Нам. Двоюродная сестра подобрала для меня эту комнату, потому что сама жила неподалеку. Я обводила взглядом дома, пыталась угадать, какой из бесчисленных огней озаряет окно квартиры моей сестры, а потом поднимала глаза к небу. Небо было усеяно звездами. Я пыталась вслух произнести слова, что мы не должны писать ни единого предложения, которое послужит насилию на звездах. Я смотрела на возвышающуюся в отдалении башню Намсан. И хотя она днем выглядела довольно сумрачной, ночью башня ярко сияла огнями и издали привлекала к себе внимание. Мысль о постоянстве в этом мире, даже если это всего лишь башня долгое время прочно стоит на одном месте, вселяла в меня уверенность. Днем я забывала о башне, но по ночам мой взгляд снова машинально обращался к ней. В дождливые вечера, когда облака окутывали башню, я чаще выглядывала в окно, дожидаясь рассеивания облачности. Я хотела бы однажды отправиться к башне и вдруг, к собственному удивлению, представила, как иду туда вместе с Мен Сё и Миру. На последней странице рукописи оказался список из двадцати книг, рекомендуемых профессором Юном для прочтения до окончания курса. Это была последняя страница, которую я напечатала.

В тот день, когда я взяла три экземпляра «Мы дышим», я долгое время изучала свою карту, прежде чем выйти из колледжа. Теперь я не торопилась возвращаться в свою комнату. Наконец я выбрала самый длинный маршрут и потуже завязала шнурки. После окончания работы над рукописью профессора я вдруг ощутила странную пустоту. Теперь не было причины сломя голову врываться в автобус, ужасно торопиться попасть домой. Срок аренды пишущей машинки еще не истек, и она по-прежнему стояла на моем письменном столе, но меня пронзало чувство потери, словно я снова осталась в полном одиночестве. Странный день! Одновременно с острым чувством потери я начинала ощущать, что мой интерес к Мен Сё и Миру начал постепенно ослабевать. Во время перепечатки рукописи профессора Юна я как будто бы открывала им свою душу, но снова закрыла, едва лишь закончила работу. Самая длинная дорога до моего дома проходила через центр города. И поскольку в этом шумном и оживленном районе всегда было на что взглянуть, а на улицах вечно суетились сотни людей, я знала: буду двигаться гораздо медленнее, чем обычно, и поздно вернуться домой.

Я собиралась перейти по подземному переходу напротив здания городского совета к отелю «Плаза», затем повернуть на север к воротам Гангуа, потом на восток – к Анквудон, обойти Укромный сад около дворца Чхандоккун и снова направиться на восток через Мендон на обратном пути к Квайхвудон. Поскольку я впервые выбрала эту дорогу, то решила свериться с картой и несколько раз прокрутила в голове весь маршрут. Но стоило мне подойти к зданию городского совета, я не смогла идти дальше – оказалась в толпе демонстрантов. Меня моментально прижали к стеклянным дверям отеля «Корея», и не было сил даже пошевелиться. Все магазины в этом районе тут же закрыли ставни, и даже стеклянные двери отеля оказались наглухо заперты. Работники отеля изнутри наблюдали за происходящими на улице беспорядками. Подземный переход находился всего в нескольких шагах от отеля. Я подумала: «Если сумею добраться до подземного перехода, то смогу перейти на другую сторону». С этой мыслью я осторожно двинулась в том направлении. И как раз в этот момент над головами демонстрантов взорвался баллон со слезоточивым газом, и огромная толпа митингующих ринулась в подземный переход. Меня, словно волной, понесло вперед вместе со всеми, но двери в переход

оказались закрыты. Люди сверху продолжали напирать и рваться вниз по ступенькам, падая на тех, кто уже спустился в переход. Негде было укрыться. Перед закрытыми дверями в подземный переход люди давили друг друга. Невозможно было даже подумать, как выбраться оттуда. Я упала рядом с кем-то, тут сверху на меня кто-то навалился, и я потеряла сознание.

Когда я наконец пришла в себя, то обнаружила, что лежу на земле за театром «Сесил» рядом с дворцом Токсогун. Я понятия не имела, как мне удалось подняться по ступенькам из подземного перехода, и не представляла, сколько времени прошло. Я еще несколько минут полежала на земле, прежде чем попыталась встать. Мне было трудно дышать, и я почти ничего не видела. Брюки на коленях намочили от крови. В голове возникли обрывки смутных картин, как я, сильно прищурившись, медленно поднималась к свету где-то на вершине лестницы. С каждым вдохом у меня перехватывало дыхание. Наконец я открыла глаза, и по щекам потекли слезы. Я вспомнила, как пыталась задержать дыхание и не открывать глаза и шла, не разбирая дороги, туда, куда меня несли ноги. Вдруг я просто упала на землю. Прошло некоторое время. Я села на асфальте и огляделась. Рядом оказался небольшой газон и деревянная скамейка. Я хотела добраться до скамейки, но меня остановила острая боль в колене. Я взглянула на брюки, испачканные засохшей кровью. Превозмогая боль, я все-таки сумела добраться до скамейки и попыталась отодрать ткань от коленки, но она намертво прилипла. Без сил я оставила попытки узнать, что стало с моим коленом, и просто сидела не шевелясь. Сколько времени прошло? Я не замечала, что потеряла сумку и туфли, до тех пор, пока не почувствовала, как острые камешки впиваются в мои ступни. Тогда хотела вспомнить, что же лежало в моей сумке. Три копии рукописи «Мы дышим». Не обращая внимания на острую боль в колене, я поплелась по длинному переулку к шоссе. После демонстрации вокруг царил ужасный разгром. Огромная волна людей схлынула, повсюду по улице валялись потерянные туфли и сумки. Я внимательно осматривала каждую найденную вещь, надеясь найти свои пожитки, затем устремилась к подземному переходу, где упала, с намерением отыскать туфли и сумку именно там. Время от времени до меня доносились разрозненные лозунги демонстрантов. Демонстрация не закончилась, а просто переместилась в другой конец улицы. Стеклопакетные двери отеля, еще некоторое время назад запертые из опасения, что толпы митингующих ворвутся внутрь, теперь оказались открыты. Обеспокоенные служащие отеля стояли на тротуаре, одна из них протянула мне бутылку с водой. Я взяла бутылку, даже не взглянув на женщину, и отпила глоток. Подземный переход пустовал, словно кто-то пришел сюда и навел порядок. И хотя я сразу поняла, что на ступеньках ничего нет, я все же спустилась вниз. Двери в переход по-прежнему были заперты. Почему нам не позволили даже перейти на другую сторону улицы? Я снова поднялась наверх по ступенькам, так и не найдя своих вещей. Острая боль в колене мешала идти. Мне хотелось сесть на землю прямо там, но неожиданно передо мной остановился полицейский. Вероятно, он решил, что я собираюсь направиться к воротам Кванхвамун, где собрались митингующие, и преградил мне дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.